

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ,
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник статей

Краснодар
2023

УДК 340.113.1:81.22
ББК 81:60.033
С56

Ответственный редактор:

*Землякова Н.В., кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

С56 **Современные направления, проблемы и перспективы развития юридической лингвистики в социокультурном пространстве.** Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Землякова; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2023. – 96 с.
ISBN 978-5-91718-744-0

Настоящее издание содержит статьи по актуальным проблемам лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве участников Всероссийских научно-практических конференций: VII Всероссийская научно-практическая online-конференция «Современные направления, проблемы и перспективы развития юридической лингвистики в социокультурном пространстве»; VIII Всероссийская научно-практическая online-конференция «Современные направления, проблемы и перспективы развития юридической лингвистики в социокультурном пространстве».

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам.

ББК 81:60.033
УДК 340.113.1:81.22

ISBN 978-5-91718-744-0

© Коллектив авторов, 2023
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы VII Всероссийской научно-практической online-конференции «Современные направления, проблемы и перспективы развития юридической лингвистики в социокультурном пространстве»

Барсегян К.Р.

Проблемы перевода юридических терминов
и способы их решения 5

Басенко И.М.

Юрислингвистика: история, стиль языка права, перспективы 11

Бурняшов Б.А.

Цифровые возможности решения проблем перевода
юридических текстов 14

Воронкова Л.С.

Актуальные проблемы современной юридической лингвистики 20

Гарбовская Н.Б., Землякова Н.В.

Точность употребления морфологических единиц
в юридической речи (на примере употребления форм глагола) 22

Гладких В.И.

Язык уголовного закона как средство правовой коммуникации 26

Джелилов А.А.

Язык и правовая коммуникация:
английский юридический дискурс как этнокультурный феномен 32

Лабашева Н.А., Трубчанинова И.И.

Практическое применение научного стиля в юрислингвистике 37

Пономаренко В.А.

Субъективистская теория истины в юридической лингвистике 40

Черникова Л.Ф.

Речевой коммуникативный процесс
в профессиональной юридической деятельности 44

Ястребова О.И.

Язык и перевод в международном праве 51

**Материалы VIII Всероссийской
научно-практической online-конференции
«Современные направления, проблемы и перспективы развития
юридической лингвистики в социокультурном пространстве»**

Алымова Е.В. Лингвистическая экспертиза протоколов допросов в тактике стороны защиты	56
Барсегян К.Р. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права	60
Басенко И.М. Английские заимствования в современном юридическом дискурсе	62
Гарбовская Н.Б., Землякова Н.В., Черникова Л.Ф. Речевая культура юриста: проблемы и перспективы	65
Гарцуева О.А. Некоторые особенности немецкого языка права	68
Молчанова С.Е. Особенности употребления дискурсивных коннекторов в юридических документах на английском языке	70
Пилипенко Н.А., Саркисянц В.Р. Имплицитные и эксплицитные формы речевой агрессии в политическом дискурсе	73
Пономаренко В.А. К вопросу формирования иноязычной компетентности будущего юриста	80
Румянцева О.О. Знакомство с основами юрислингвистики при изучении русского языка и культуры речи на факультете непрерывного образования РГУП	84
Третьякова Д.В. Несостоятельные/недостовверные показания vs лжесвидетельство (к вопросу о семантике высказывания в судебном приговоре)	87
Ястребова О.И. Юридическая лингвистика как сфера взаимодействия языка и права в цифровом обществе	91

**Материалы VII Всероссийской
научно-практической online-конференции
«Современные направления, проблемы и перспективы
развития юридической лингвистики
в социокультурном пространстве»**

*Барсегян Каринэ Робертовна
старший преподаватель
кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар*

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ**

Под юридическим переводом подразумевается перевод на другой язык текстов, относящихся к области юриспруденции. Существует большое количество таких текстов и все они прямо или опосредовано содержат информацию о правовых предписаниях, которые действуют в правовой системе. Стиль изложения правовых предписаний включает в себя логическую последовательность, простоту, точность, однозначность и единообразие однотипных формулировок.

Современное переводоведение является молодой наукой, которая стремительно развивается, расширяет свои горизонты и устанавливает междисциплинарные связи.

Как известно, язык и право тесно взаимодействуют, и одним из аспектов этого взаимодействия является перевод юридических текстов. В настоящее время английские юридические термины достаточно активно и широко используются в современной коммуникации. Юридический перевод – это перевод текстов, относящихся к области права и используемых для обмена юридической информацией между людьми, говорящими на разных языках. Такие тексты достаточно однородны и клишированы, а также обладают определенными типологическими признаками. юрист со знанием иностранного языка, но без переводческого образования вряд ли выполнит работу качественно. Так как юридические тексты относятся к текстам специального характера, переводчику очень важно правильно и умело применить переводческие приемы. Следовательно, необходимо уделить особое внимание этому процессу, выявив возможные трудности

Сложности перевода юридической терминологии определяются комплексом причин. К основным из них можно отнести:

1. Сложности, обусловленные языковой природой термина;
2. Сложности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина;
3. Сложности, возникающие из-за несовпадения юридических систем государств, следовательно, из-за расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами, существования специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой;
4. Наконец, сложности субъективного характера, обусловленные недостаточной подготовкой лиц, занимающихся переводческой деятельностью.

Рассмотрим подробнее каждый из вопросов, связанных со своими сложностями перевода, и наметим некоторые возможные пути их преодоления¹.

1. Еще П.А. Флоренский писал о том, что смысл науки состоит в построении терминологии. Термины призваны четко выражать явления и определять отношения между ними, их можно понимать, как модель действительности, созданную специально для изучения, его возможно исследовать с позиций философии, логики и лингвистики.

Термин должен иметь четкое определение, соотноситься с одним конкретным понятием из соответствующей области науки, т.е. не быть многозначным, не иметь синонимов и омонимов. Эти требования, предъявляемые к идеальному термину, хорошо известны. Хорошо известно и то, что в подавляющем большинстве случаев они не соблюдаются на практике.

Перевод термина в отличие от перевода общеупотребительных слов основан на прочной, регламентированной связи наименования и вещи, явления. При переводе термина крайне важно учитывать, чтобы место термина в терминологическом ряду одного языка соответствовало месту термина на другом языке².

2. Юридическая терминологическая система – это совокупность лексических средств языка, используемых для точного выражения юридических понятий.

Важная характеристика юридического текста – его стандартизованность. В нем используются стереотипные фразы и выражения, клише, устойчивые словосочетания. Часть из них может быть включена в состав терминологии. Знание переводческих соответствий таких единиц, знание того, «как говорят» на языке юриспруденции – первостепенное требование, предъявляемое к переводчику подобного текста.

Текстам по юриспруденции также свойственна экспрессивная нейтральность, официальность, императивность, безличность.

¹ Панкратова Е.А. Особенности межкультурной коммуникации специалистов юридического профиля / Е.А. Панкратова // Языки профессиональной коммуникации. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2012. – 203 с.

² Свободная энциклопедия. – URL : <http://ru.wikipedia.org>

Императивность достигается высокочастотным использованием языковых единиц со значением долженствования. Безличность обусловлена характером автора и адресата юридического текста: правовые нормы формулируются от лица государства и распространяются на широкий круг исполнителей. Экспрессивная нейтральность юридических текстов проявляется в отсутствии эмоционально-оценочных компонентов в семантике слов, отсутствии экспрессивности и стилистической индивидуальности. В то же время эти тексты должны быть доступны, понятны гражданам, не имеющим специального юридического образования.

Юридические термины обладают правовым содержанием, которое не всегда понятно неспециалистам. Особенность использования юридической терминологии состоит в том, что к ней прибегают не только профессионалы, но и рядовые граждане, которые в силу специфики связанной с ней области используют данные термины гораздо чаще, чем, например, научно-технические. При этом специфика коммуникации в юридической сфере состоит в том, что в качестве коммуникантов чаще выступают профессионал и непрофессионал, чем два профессионала. Успех коммуникации в данной сфере, как ни в какой другой, определяется адекватным пониманием текста участниками коммуникации. Если принять во внимание, то обстоятельство, что и при использовании родного языка адекватное понимание достигается далеко не всегда из-за характерных особенностей юридического текста, наличия в нем большого количества сложных терминов, то можно себе представить, сколь трудно достижимо это адекватное понимание при использовании иностранного языка. И здесь роль переводчика огромна. Переводчик должен не только располагать совершенным знанием юридической терминологии двух языков и ориентироваться в специфике двух правовых систем, но и творчески подходить к процессу выбора наиболее удачного для определенного контекста соответствия, к введению пояснительного переводческого комментария. Это поистине требует высокой «юридической эрудиции» переводчика.

По происхождению как английские, так и русские юридические термины можно разделить на исконные и заимствованные. В юридической терминологии значительное место занимают заимствования в первую очередь из латыни. Как известно, современная юриспруденция основывается в значительной степени на положениях римского права. Латынь была и остается языком юриспруденции. Она по-прежнему является базой для образования новых терминов. Соответственно латинские термины сплошь и рядом присутствуют в юридических текстах и создают определенную трудность для переводчика, особенно при устном переводе. Латинские термины могут быть произнесены на латыни, но существует и английский вариант произношения, значительно отличающийся от исконного латинского. В ряде случаев имеется несколько вариантов произношения. Переводчик должен быть знаком с латинскими терминами, их значением и произношением.

По структуре юридические термины, как и термины других наук, делятся на слова и словосочетания. Термины-словосочетания по сравнению с

однословными терминами позволяют более развернуто и точно определить объект мысли. Они также позволяют переводчику в ряде случаев догадаться о значении термина, опираясь на его буквальное значение. Однако в ряде случаев терминологическое значение выводится неверно.

Юридические термины, как и термины других наук, могут быть многозначны. Поэтому, когда подчеркивают необходимость однозначности юридического термина, имеют в виду в первую очередь одинаковое и единообразное восприятие и толкование носителями языка¹.

Один из распространенных приемов юридической техники, широко используемый в законодательной деятельности, – включение в нормативные тексты юридических дефиниций. Наличие дефиниций – необходимое условие точного понимания нормативного текста, которое способствует повышению юридической культуры коммуникантов. Цель этих дефиниций – не всесторонне раскрыть научное понятие, а лишь дать его определение, достаточное для реализации права. В связи с вопросом о дефинициях возникает вопрос о переводческом комментарии, вводимом переводчиком в текст перевода в виде дефиниции, дабы пояснить значение переведенного термина. В силу частого расхождения между объемами понятий, соотносимыми с терминами-соответствиями в двух языках, в силу существования юридических понятий, присущих юриспруденции только одной страны, введение подобных дефиниций – переводческих комментариев является весьма целесообразным и вполне оправданным.

3. Третья группа выделенных нами выше сложностей перевода юридической терминологии связана с расхождениями в правовых системах различных стран. Для переводов с английского языка и на английский это означает необходимость учитывать специфику законодательной и правовой системы той или иной англоговорящей страны, а также российской юриспруденции. Учет специфики, безусловно, предполагает наличие у переводчика фонового знания, умения ориентироваться в тонкостях правовых систем исходного языка и языка перевода. В первую очередь это знание необходимо в отношении правовых систем Великобритании и США.

4. Недостатки в подготовке переводчика неизбежно ведут к недостаткам в реализации межъязыковой коммуникации. Нельзя недооценивать важность знания той области, в которой осуществляется перевод. Недаром в ведущих западных школах подготовки переводчиков подобная «тематическая» специализация присутствует².

Владение техникой юридического перевода можно определить как способность к осуществлению успешной и результативной межкультурной коммуникации в области юриспруденции на основе знания юридической терминологии и стилистики юридических текстов различных

¹ Переводческое агентство RED. – URL : <http://www.red.su/article3.htm>

² Бородина А.И. О некоторых структурно-семантических тенденциях в английском терминологическом образовании / А.И. Бородина // Вестник. – 2009. – № 390. – С. 19–22.

разновидностей в исходном языке и в языке перевода при непременном владении понятиями права и свободной ориентации в концептуальных юридических картинах мира обоих коммуникантов.

Помимо отличного знания языка и права, юридический переводчик с/на любой язык сталкивается со следующими особенностями перевода юридических текстов, которые мы рассмотрим подробнее ниже.

Различие правовых систем стран.

Различия в политических системах, социально-экономических факторах развития, а также в их культурных традициях стран привели к тому, что в разных государствах сформировались национальные правовые системы, обладающие чертами, не характерными для других правовых систем.

Например, источником права в романо-германской системе выступает закон, а в англосаксонской – прецедент. Континентальному праву присуща кодификация законов. В нем выделяют частное право и публичное право, что нехарактерно для англосаксонской системы.

Различия в правовых системах сказываются на переводе. Бывает, что термин из одной системы права не представлен в другой системе. Например, в русском юридическом языке сторону защиты в суде представляет адвокат, в то же время в Великобритании термин «адвокат», переводится не только как *lawyer*, но и «*barrister, solicitor, attorney*» в зависимости от контекста¹.

Получается, для точного перевода текста переводчик обязан разбираться в системе права как страны оригинального текста, так и страны перевода.

Терминологическая насыщенность

Одна из главных особенностей юридических документов – обилие терминов. Большая часть текста на юридическую тематику состоит из специализированной лексики.

На самом деле, не всякий синоним подойдет для юридического перевода, который не терпит и малейшего искажения смысла. Для точного перевода приходится ориентироваться на контекст.

В наше время некоторые юридические термины не имеют однозначного перевода в юридических словарях. Например, слово «*cross-claim*» в некоторых словарях значит как «перекрестный иск», в то время как правильный перевод – «встречный иск».

Например, термин «*plea agreement*», употребляемый в судебной практике США, на первый взгляд переводится как «соглашение о сделке». Однако в полном смысле, *plea agreement* – это сделка между сторонами в суде о признании подсудимым своей вины, что в итоге может привести к смягчению приговора².

¹ Занковец О.В. Особенности перевода терминов права / О.В. Занковец, Н.А. Петрусенко.

² Безуглова О.А. Проблемы перевода английских юридических терминов в художественной литературе / О.А. Безуглова // Филология и культур. – 2013. – № 4. – С. 27–30.

Трудностью при переводе терминов является их полисемантичность. Термин исходного языка может передаваться несколькими терминами в языке перевода, поэтому необходимо учитывать область применения предполагаемых переводных соответствий, их стилистическое значение, частотность употребления и т.д. Это связано с тем, что один и тот же язык может использоваться в рамках нескольких правовых систем, отличающихся друг от друга. Например, британская и американская правовые системы: «ордер на арест» эквивалентен американскому *arrest warrant* и британскому *bench warrant*. Различия в системах, использующих русский язык, можно проследить на примере конституций РФ, Украины и Казахстана. Так, слово «указ» в тексте перевода Конституции РФ передается как *edict*, Украины и Казахстана – *decree*, слово «прокуратура» как *Office of the Prosecutor General*, *Public Prosecution* и *Procurator's Office* соответственно.

Более того, полисемантичность термина объясняется различием в его функционировании в разных отраслях права. К примеру, слово *admission* в гражданском праве означает «*a statement by a party to litigation or by his duty authorized agent that is adverse to the party case*»; а в уголовном – «*statement by the defendant admitting an offence or a fact*». Соответственно, при переводе текста с данным термином нужно учитывать, к какой отрасли права он относится, и подбирать соответствующий эквивалент.

Клише и штампы обеспечивают точность языка права, облегчают деловую коммуникацию, способствуют быстрому и точному составлению документа. Задача переводчика – установить эквивалентность между штампами языка оригинала и перевода, избегая дословного перевода¹.

Ее дословный перевод: «Надеюсь, что наша просьба будет удовлетворена, просим Вас принять выражение нашего глубочайшего уважения». Однако, учитывая особенности коммуникации в русском языке, стоит использовать клише – «Надеемся, что наша просьба будет удовлетворена. С уважением».

Из всего вышперечисленного можно сделать вывод, что юридический перевод требует особой точности и наличия глубоких знаний в данной области. Переводчику, желающему работать в сфере юриспруденции, необходимо максимально изучить правовое устройство стран, с текстами юридических систем которых он работает, а также учитывать их культурные и исторические особенности. Только тогда он сможет понять и правильно интерпретировать юридический текст².

Сложности перевода юридической терминологии определяются комплексом причин. К основным из них можно отнести: сложности, обусловленные языковой природой термина; сложности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина; сложности, возникающие из-за несовпадения юридических систем государств, следовательно, из-за

¹ Материалы о переводе и переводчиках (2019–2021). – URL : <http://translation-blog.ru>

² Казанцев А.И. Особенности перевода клише и штампов официально-делового языка

расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами, существования специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой; сложности субъективного характера, обусловленные недостаточной подготовкой лиц, занимающихся переводческой деятельностью¹.

Основная масса ошибок при переводе английского юридического текста связана с неверным выведением скрытых сем у идиоматичных словосочетаний без переносного значения (89 %). Во-первых, это обусловлено тем, что такие словосочетания характерны для терминологии англо-американской правовой системы. Во-вторых, некоторые из них настолько похожи на словосочетания, имеющие только буквальное значение, т.е. те, у которых значение складывается из суммы значений компонентов, что студенты часто и принимали их за такие неидиоматичные словосочетания. Метафорическое словосочетание нередко поражает своей необычностью, неожиданным соединением компонентов, что, естественно, настораживает переводчика и заставляет искать скрытые смыслы.

Басенко Иван Михайлович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

ЮРИСЛИНГВИСТИКА: ИСТОРИЯ, СТИЛЬ ЯЗЫКА ПРАВА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Во все времена общество испытывало необходимость более точного объяснения реалий, формулирования терминов, структурирования накопленных знаний.

Развитие коммуникации и социальных связей, достижения в науке, взаимодействие социума и правовой системы государства способствовало зарождению новой самостоятельной области языкознания, лежащей на стыке языка и права – юрислингвистики.

Необходимость взаимодействия правовых аспектов и лингвистики исторически была продиктована практической необходимостью. В современных условиях потребность всестороннего изучения юридической лингвистики все более актуальна и имеет ярко выраженный массовый характер.

¹ Нестерович В.М. Проблемы перевода юридических терминов / В.М. Нестерович // Право и управление. XXI век. Электронное издание МГИМО(У) МИД России. – 2011. – С. 77–79.

Объектом юрислингвистики является исследование взаимоотношений языка и права, как системы правил вербального выражения категорий, применяемых для правового регулирования общественных отношений.

Что же сближает язык и право? Можно отметить, что и язык, и право – это реалии, которые имеют фундаментальное значение для человеческого бытия. В языке аккумулируется опыт освоения окружающего мира, право же в свое время объективируется в языке для выражения общеобязательных социальных норм, которые установлены и обеспечиваемые государством.

В современной интерпретации, решением вопросов отношения языка к закону занимается юрислингвистика, а изучением отношения закона к языку – лингвоюристика. Юрислингвистика, по мнению Н.Б. Лебедевой, «стык языка и права сформирован сложным диалектическим взаимодействием юридического и языкового аспектов»¹.

В исторической перспективе, взаимодействие юриспруденции и лингвистики изучается давно. В памятниках древних цивилизаций встречаются подтверждения, что связь права и языка очень важна в процессе судопроизводства. Еще в Древнем Риме говорили о том, что «право может и должно быть определенным»², тем самым сформулировав цель развития юрислингвистики – добиться точности понимания и применения юридического дискурса.

В немецких источниках термин «правовая лингвистика» впервые появляется в 1976 году. А. Подлех под «правовой лингвистикой» подразумевал «совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм, и отвечают требованиям современной лингвистики»³.

В России термин «юрислингвистика» был впервые употреблен в 1999 году научным коллективом «Лаборатории юрислингвистики и развития речи» Алтайского госуниверситета и региональной ассоциацией лингвистов-экспертов и преподавателей (АЛЭП «Лексис»), научный руководитель, проф. Н.Д. Голев и далее развивался в девяти выпусках межвузовского сборника научных трудов «Юрислингвистика» (1999–2008).

Возникновению юрислингвистики, ее выделение как самостоятельной отрасли обусловлено прежде всего, по мысли Н.Д. Голева, спецификой функционирования языка в юридической сфере, т.е. эту специфику определяют, как «функционирование языка в экстремальной сфере», далее проводя аналогию с метафорой «экстремальная журналистика», в результате приходит к сочетанию «экстремальная лингвистика». Голев считал, что «юрислингвистика вырастает из глубинных свойств естественных языков, одним

¹ Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики / Н.Б. Лебедева // Юрислингвистика. – Барнаул, 2000. – С. 49–64.

² Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского. – М. : Наука, 1984. – С. 456.

³ Podlech, Adalbert. Rechtslinguistik. // Grimm, Dieter. Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. II. – München, 1976. – P. 105–116.

из проявлений этих глубинных свойств языка является потенциальная конфликтогенность речевых «произведений»¹.

Таким образом, можно сказать, что объектом изучения юрислингвистики является зона пересечения языка и права, а предметом выступают языковые, правовые явления, обладающие потенциалом конфликтогенности.

Формирование теории юридической техники, как относительно самостоятельного научного направления в рамках юриспруденции неразрывно связано с тем исследовательским интересом, который вызывает лингво-юридическая проблематика. О самой юридической технике в современной литературе говорят с позиции разных подходов. Одним из таких подходов являются средства подготовки и становления юридических документов. Этот подход обосновывается тем, что он фактически отождествляет профессиональное мастерство юриста с навыками письменной речи, во многом сводя юридическую технику к юрислингвистике.

В рамках теории юридической техники проблемы сущности внутреннего строения языка права представляют интерес не столько в фундаментальном, сколько в прикладном смысле, т.е. как основание для построения системы языковых средств юридической техники. Строение языка права рассматривается в двух аспектах:

Анализ иерархии языковых единиц, которые образуют материю юридического языка.

Исследование структуры языка права, которая учитывает возможные сферы его приложения и соответственно специфику функционирования той или иной сферы.

В основу структурирования языка права могут быть положены, как и интралингвистические, так и экстралингвистические факторы, при этом в обоих случаях необходимо сочетание филологических и юридических знаний.

Юрислингвистика призвана изучить, какие стороны естественного языка в большей мере действуют в юридическом пространстве, а также выражает наиболее яркие черты:

1. В области надзора за соблюдением законов.
2. В сфере законодательства.
3. В ходе осуществления судопроизводства.
4. В обеспечении гражданских прав и свобод.

В названных направлениях исследования вносят вклад в урегулирование вопросов, находящихся на грани таких областей, как право и язык. Пример такой грани: проблемы национально-языковой политики, правовые вопросы и т.д.

Юрислингвистику можно назвать самостоятельной наукой, которая, по мнению В.И. Воропаева «довольно успешно взаимодействует с целым

¹ Голев Н.Д. Юридический аспект в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.

рядом прикладных лингвистических дисциплин (социолингвистикой, психолингвистикой, паралингвистикой, нейролингвистикой и др.)»¹.

Кроме того, юрислингвистика является учебной дисциплиной, которую вполне возможно и необходимо внедрить в современное юридическое образование.

Актуальным вопросом остается повышение лингвистической подготовки студентов юридических вузов. Необходимость филологического обеспечения правовой деятельности общества, обусловлена тем, что развитие правового государства и гражданского общества вовлекает в нее большое число граждан.

Подводя итог, можно сказать, что юрислингвистика имеет огромный потенциал дальнейшего развития и внедрения во все сферы жизни, так как в современном мире очень важно знать и владеть языком права, ведь это является одним из самых значительных компонентов достижения профессионального успеха и карьерного роста.

Бурняшов Борис Анатольевич
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»,
г. Краснодар

ЦИФРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Переводами юридических текстов занимаются по своему роду деятельности не только профессиональные переводчики, но и учёные-правоведы, преподаватели правовых дисциплин и иностранного языка в высших учебных заведениях. Проблематика перевода в правовой сфере широко освещена в российской юрислингвистической научной литературе^{2, 3, 4}.

Ошибки перевода юридических текстов влекут за собою судебные ошибки, ошибки при исполнении решений и приговоров иностранных или

¹ Воропаев В.И. Юрислингвистика: история и перспективы. – С. 1–4

² Барабаш О.В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода / О.В. Барабаш, О.В. Мещерякова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3(27).

³ Курчинская-Грассо Н.О. Проблематика перевода юридических текстов / Н.О. Курчинская-Грассо // Филология: научные исследования. – 2020. – № 1.

⁴ Махортова Т.Ю. Проблемы перевода юридических текстов / Т.Ю. Махортова // Homo loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии). Сб. статей. Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – С. 30–39.

российских судебных инстанций и приводят тем самым к неисполнению законов на территории государств, обязавшихся в силу соответствующих межгосударственных соглашений исполнять судебные решения государства-партнёра. Ошибка перевода существенно снижает качество опубликованной научной работы по проблемам юридической компаративистики.

Наличествующий, по общему признанию лингвистов, в любом из содержащихся в текстах высказывании «потенциал непонимания, недопонимания, «не так понимания», двусмысленного понимания»¹ при переводе юридического текста с иностранного на официальный язык государства, управляющего правосудие, многократно усиливается. По мнению исследователей, именно перевод юридических терминов и текстов сопряжен с наибольшим количеством трудностей не только лингвистического, но и экстралингвистического характера, обусловленных специфичностью понятий иноязычной правовой системы, многозначностью юридических терминов, их контекстуальной аргументацией².

Резервом совершенствования качества перевода для переводчиков, в том числе переводчиков-юристов, являются возрастающие с каждым годом цифровые возможности.

Начнём с того, что переводчикам всё легче использовать Интернет в качестве языкового корпуса: упрощается доступ к интернету, растёт скорость соединения, наращивается массив текстов, размещаемых во всемирной сети. Отличаясь от классического корпуса текстов отсутствием лингвистического замысла и спонтанностью наращивания текстового массива, Интернет, обеспечивая высокую объективность данных, функционально сравнялся с корпусом текстов в классическом его понимании, поэтому некоторые исследователи рассматривают Интернет именно как полноценный корпус^{3,4}. Так, контекстный интернет-поиск в мегапоисковых системах Яндекс, Google, WebDe, Qwant и других позволяет находить в Интернете различные варианты употребления многозначных юридических терминов. Поскольку результаты поиска всегда ориентированы на регион и на конкретного пользователя и, в связи с этим искажаются, при работе с интернет-поисковиками пользователю следует избегать, как персонализации (следует использовать браузеры в режиме «инкогнито»), так и своей локализации. Английские термины, например, лучше искать в Google USA, немецкие – в поисковике web.de. Для этого можно применять VPN-сервисы, однако бесплатные

¹ Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики / Н.Д. Голев; Отв. ред. Ю.Ф. Прадид // Право і лінгвістика. Матеріалі Міжнародної науково-практичної конференції. – Издательство : Крымский университет, 2003. – С. 33–41.

² Курчинская-Грассо Н.О. Проблематика перевода юридических текстов / Н.О. Курчинская-Грассо // Филология: научные исследования. – 2020. – № 1.

³ S. Diemer. Das Internet als Corpus? Saarland Working Paper in Linguistics (SWPL). – 2008. – № 2. – P. 29–57.

⁴ Мордовин А.Ю. «Веб как корпус» или «Корпус как веб»: новая реальность корпусной лингвистики / А.Ю. Мордовин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3(714). – С. 163–172.

VPN-сервисы не безопасны, поэтому лучше локализоваться в США или ФРГ в настройках своего браузера в режиме «Инкогнито».

Широкие возможности для профессионального перевода, ускорения его осуществления и выверки его правильности предоставляют среды (системы) автоматизированного компьютерного перевода – computer-aided (assisted) translation (далее – САТ-среды).

Эти системы представляют собою целый комплекс программ, включающий машинный перевод¹ текстов (можно подключать различные движки), локализацию программного обеспечения, ведение терминологических словарей, базу памяти перевода, проверку качества перевода, создание проектов. Этот цифровой инструмент универсален для решения переводческих задач любой сложности, особенно продуктивен для узкоспециализированных областей перевода, к которым, в частности, относится перевод юридических текстов. В этой связи переводчику-юристу, на наш взгляд, всю работу по переводу имеет смысл сосредоточить в одном месте – в рамках одной САТ-среды.

Наиболее популярна у переводчиков десктопная (офлайновая) САТ-среда Trados. Ею, как и любой программой, размещённой на основном рабочем компьютере, можно управлять удаленно с мобильного устройства, установив на него соответствующее клиентское приложение.

Наряду с десктопными можно использовать онлайн браузерные САТ-среды: АBBYY SmartCAT (весь функционал предоставляется разработчиком бесплатно) или бесплатные онлайн-версии Memsource Cloud (MSC) и Wordfast Anywhere (WFA).

Чем больше переводов текстов сделано переводчиком в системе компьютерного перевода, тем большей точности перевода он может добиться, поэтому встаёт вопрос о постоянном наполнении базы памяти перевода и базы терминов САТ-системы. Наполнение можно осуществлять несколькими путями.

Первый, наиболее очевидный, путь – обеспечиваемое системой автоматическое формирование банка памяти выполненных переводов и базы терминов в процессе осуществления пользователем его текущей переводческой работы. То есть, абсолютно все переводы должны осуществляться с использованием одной САТ-среды.

Второй путь – использование предоставляемой САТ-средами возможности осуществления перевода в распределённом режиме несколькими коллегами, использующими совместно выверенные единые толкования иноязычных юридических терминов.

Третий путь – самый затратный – регулярная работа по переводу «сторонних» юридических текстов, сознательно осуществляемая с целью совершенствования переводческих навыков и наращивания банка памяти перевода и базы терминов САТ-среды.

¹ Головки Д.Р. Особенности и виды машинного перевода / Д.Р. Головки // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2020. – № 4. – С. 24–29.

Современный уровень цифровизации делопроизводства и книгоиздательства позволяет переводчику отказаться от работы с бумажными носителями информации. В крайнем случае, подлежащий переводу бумажный документ может быть отсканирован и переведён в электронную форму. Получение онлайн юридических текстов на немецком, английском и других иностранных языках требует финансовых затрат, поскольку, как правило, ресурсы эти – платные.

Между тем, в результате тщательного изучения специализированных правовых порталов и онлайн-сервисов юридической тематики на иностранном языке можно найти полностью или частично бесплатные ресурсы.

Так, для наполнения банка собственных переводов САТ-среды, используемой переводчиком немецкого языка, можно осуществлять регулярную работу по переводу коротких юридических текстов, оформив на ведущем немецком правовом интернет-портале Juris.de бесплатную подписку на юридический информационный бюллетень. Бюллетень предоставляет ежедневные новости о решениях, принятых немецкими Федеральным конституционным судом, Федеральным патентным судом и пятью высшими федеральными судами, всеми апелляционными судами Германии и Европейским судом по делам, относящимся ко всем отраслям права, в том числе – европейскому праву. Одностраничный бюллетень ежедневно приходит на адрес электронной почты пользователя, мотивируя его на ежедневное совершенствование своих навыков перевода.

Портал Juris.de предоставляет возможность найти тексты законов ФРГ в актуальной действующей редакции. Сервис портала позволяет расшифровывать все встречающиеся в немецкой юридической литературе аббревиатуры названий законов (StGB, BGB и т.п.). У зарегистрированных пользователей есть возможность бесплатной работы в течение месяца с архивом законов и их проектами и, по выбору пользователя, – с одним из нескольких десятков юридических модулей (juris PartnerModul) – онлайн-приложений портала, предоставляющих новости, правовые тексты, научные статьи, комментарии экспертов, глоссарии. Доступны приложения, как общего характера, например, «Юридический профессиональный модуль», так и узкоспециализированные, например, «Международное торговое право» или модуль «ПредЗакон» – собрание документов по подготовке, обсуждению и принятию законов и других нормативных актов коммунального, земельного, федерального и общеевропейского уровня.

Для каждого из наиболее часто выделяемых в юрислингвистике четырёх массивов текстов, различающихся, по определению Н.Д. Голева, «степенью юридизации»¹ можно использовать определённый набор цифровых возможностей. При этом текст из любого массива требует проверки правописания. Для проверки на правильность сделанного переводчиком перевода на немецкий язык можно использовать онлайн-сервис Duden-Mentor,

¹ Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 8–40.

проверяющий до 800 печатных знаков бесплатно. Неограниченные по объёму тексты можно бесплатно проверять в тестовом режиме в течение семи дней.

Для работы с текстами правовых актов (первая степень юридизации) в распоряжении переводчика тексты из собраний законов, размещаемых на специализированных порталах. Так, для подготовки текста статьи по описанию правовой регламентации институтов социального партнерства Германии в цифровую эпоху¹ нами использовались тексты законов, размещённые на официальном сайте «Законы в интернете.де» (www.gesetze-im-internet.de), поддерживаемого Федеральным министерством юстиции и защиты прав потребителей и Федеральным управлением юстиции и Юридический интернет-портал Федерации и земель Justiz.de предоставляющий доступ к полным текстам судебных решений федеральных и части земельных судебных органов.

При помощи британской информационно-поисковой системы диссертаций EThOS можно найти диссертации по праву, доступные онлайн бесплатно. На момент написания настоящей статьи по ключевому слову «Juridical» система выдавала доступных для чтения 139 диссертаций. Поэтому же ключевому слову система поиска диссертаций NDLTD выдала 246 материалов на 13 языках.

Для лучшего понимания текстов, создаваемым профессиональными юристами, текстов протоколов, служебной переписки и т.д. (вторая степень юридизации) можно использовать доступную онлайн терминологическую базу данных Евросоюза (ЕС) IATE, применяемую в учреждениях и агентствах ЕС с лета 2004 г. для сбора, распространения и управления терминологией, специфичной для документов ЕС. Наличие сервиса перевода текста документа на все государственные языки стран-членов ЕС позволяет переводчику уточнять нюансы сделанного им перевода текста, сверив термин в переводах на разные языки.

Для лучшего понимания текстов, создаваемых не юристами, а «обыкновенными» гражданами, содержащих общеупотребительную лексику и небольшое количество юридических терминов (третья степень юридизации) и текстов различных документов, представляемых для проведения правовой экспертизы (четвёртая степень юридизации) в распоряжении переводчика всегда под рукой онлайн-словари и энциклопедии, сервисы машинного онлайн-перевода интернет-страниц Яндекс-переводчик, Google Translate, MS Edge Translator и др.

Немецкий языковой корпус IDS-Korpora – DeReKo (Das Deutsche Referenzkorpus) – доступен для онлайн-поиска через программу-клиент COSMAS II (Corpus Search, Management and Analysis System). Для работы с материалами корпуса пользователь должен зарегистрироваться. Онлайн-

¹ Бурняшов Б.А. Институты социального партнерства Германии в цифровую эпоху / Б.А. Бурняшов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 5. – С. 33–39.

поиск терминов доступен в тестовой онлайн-версии Британского национального корпуса.

Многоязычный (английский, немецкий, французский и нидерландский языки) онлайн-сервис – поисковая машина дефиниций Enzyklo осуществляет поиск дефиниций, даёт описание их значения и примеры использования со ссылками на источники. Так, немецкому термину Gesetz (Закон) немецкоязычный сервис даёт 18 толкований и приводит 29 примеров использования термина.

Для перевода отдельных предложений на интернет-странице удобно использовать браузерные расширения Reverso Context и другие.

Таким образом, описанные в статье и собранные нами в нижеприведённой таблице цифровые инструменты и ресурсы, используемые для переводов текстов разной степени юридизации, являются доступными и обеспечивают возможность совершенствования качества перевода.

Таблица 1 – Цифровые инструменты для перевода

Степень юридизации текста	Цифровой инструмент	
<p>I, II</p> <p>Правовые акты, Тексты протоколов и служебной переписки</p>	<p>SAT-среды Trados, ABVYU SmartCAT, Memsource Cloud (MSC), WordfastAnywhere (WFA) и др.</p> <p>Онлайн-сервисы проверки правописания (Duden)</p> <p>Порталы министерств юстиции, юридических ведомств, судебных инстанций</p> <p>Новостные юридические порталы</p> <p>Юридические разделы языковых корпусов</p> <p>Европейский интерактивный терминологический банк данных IATE</p>	
<p>III, IV</p> <p>Обще-употребительная лексика, тексты для правовой экспертизы</p>	<p>Интернет как языковой корпус (контекстный поиск в мегапоисковиках)</p> <p>Онлайн-словари и энциклопедии</p> <p>Сервисы машинного онлайн-перевода интернет-страниц</p> <p>Поисковые машины дефиниций Enzyklo</p> <p>Браузерные расширения</p>	

Воронкова Людмила Сергеевна
старший преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

«Юрист отличается от остальных тем, что пользуется словами, как математическими формулами» (Георгий Александров).

Юридическая лингвистика (юрислингвистика) – это область языкознания, которая появилась относительно недавно. Она лежит на стыке языка и права и тем самым носит междисциплинарный характер.

Объектом изучения юрислингвистики являются взаимоотношения языка и закона, а одна из основных проблем юрислингвистики – толкование понятий чести, достоинства, оскорбления, мнения и т.д.

Актуальность данной работы заключается в социальной значимости юридического функционирования языка.

Юрислингвистика – это научная дисциплина, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права. Это относительно новая наука, развивающаяся благодаря трудам юристов и лингвистов, которые действуют сообща.

Юристы Древнего Рима, сформулировав положение о том, что «право может и должно быть определенным», они отразили в нем ту задачу, которую и должна решать юрислингвистика, а именно, сделать юридический текст точным по своему содержанию и одновременно понятным¹.

Основные аспекты юрислингвистики:

- создание и функционирование специального юридического языка;
- юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка: оскорбление и призыв к насилию, плагиат и т.д.;
- регулирование социально-языковых внутригосударственных и межгосударственных отношений; изучение проблем государственного языка, языка межнационального общения и т.п.

С каждым годом интерес к юрислингвистике в российской правовой науке все больше возрастает. Это вполне закономерно, ведь качество существующих законов зависит от уровня технико-юридического совершенства принимаемых законов.

Российская юрислингвистика в настоящее время сконцентрирована на проблеме лингвистической экспертизы. В этой связи интересны

¹ Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. – М., 1982. – Т. 2.

исследования, где в качестве компонента юридической экспертизы используется коммуникативный, функционально-деятельный подход. На примере провокационных листовок, фигурирующих в качестве доказательства по одному из дел о разжигании межнациональной неприязни, можно выделить коммуникативную цель и коммуникативную перспективу, что позволяет обнаружить провокационную коммуникативную стратегию, т.е. когда декларируемые в тексте цели и задачи оказываются далеко не первоочередными в смысловой программе сообщения, либо попросту мнимыми. В связи с этим особую важность коммуникативный подход в лингвистической экспертизе представляет для криминалистики, где для анализа важны «не только сам текст как объективная лингвистическая данность, но и его коммуникативные характеристики: автор и читатель, «стоящие за текстом», коммуникативная тактика и стратегия, цель и перспектива текста, особенности речевой ситуации»¹.

Актуальной темой в современной юрислингвистике является вопрос о правовой коммуникации в законотворчестве. Н.А. Любимов, применяя основные положения общей теории коммуникации, разработанной американским лингвистом К. Шенноном, а в дальнейшем получившей свое отражение в трудах Р. Якобсона, выводит понятие правовой коммуникации применительно к сфере общественной жизни. Правовая коммуникация – это проходящий в правовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю².

Одна из ключевых проблем лингвистики, которая естественным образом становится фундаментальной для юрислингвистики, – проблема самой природы языка, его слов, которая формулируется в древнем философском споре о том, как возникают имена: по природе или по установлению. Совершенно очевидно, что юристы склонны видеть в языке только сторону «по установлению» и именно на ней основывать свою законотворческую и правоприменительную деятельность в связи с языком и речью. Все, что касается природно-стихийной стороны, то она не замечается ими, значимость этой стороны недооценивается.

Также в круг проблем юрислингвистики входит и проблема процесса интерпретации текста закона. В связи с этим следует различать юридические и законодательные техники. Юридическая техника лежит в основе искусства прочтения текста закона. Законодательная же техника – это техника письма закона³.

В заключении хотелось бы отметить, что юрислингвистика – это относительно молодой раздел лингвистической науки, который в настоящий

¹ Любимов Н.А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве / Н.А. Любимов // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы.

² Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: за и против. Сборник статей. – М., 1975.

³ Баранов В.М. Риторика и право / В.М. Баранов, А.С. Александров, Н.Д. Голев // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы.

момент переживает период активного развития. В последнее время большинство исследований языка права постепенно сменили акценты – на первый план уже выходят не просто формальные исследования специального языка с точки зрения его терминологического состава или синтаксической структуры, а языковые исследования сменяются междисциплинарными исследованиями. Язык права исследуется как социальный феномен, не случайно в этой связи появляются социолингвистические исследования проблем понимания юридической речи не специалистами. Проблемы, которыми занимается юрислингвистика, многогранны и непросты. Одни из них требуют одновременно юридической и лингвистической компетенции, для решения других необходимы глубокое теоретическое осмысление и практическая разработка. Тем не менее, можно сделать вывод, что состояние юридической лингвистики как науки находится на стадии активных научных исследований языка права во всем мире.

Гарбовская Надежда Брониславовна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»,
г. Краснодар*

Землякова Нинель Владимировна

*доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»,
г. Краснодар*

ТОЧНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ГЛАГОЛА)

*Язык как средство общения
будет полностью удовлетворять
своему социальному назначению
только в том случае, если
все его элементы будут способствовать
наиболее быстрому и лёгкому общению.*
Р.И. Аванесов, советский учёный, языковед

Слово является важнейшей языковой единицей и служит основой для понимания любого текста. В юридической практике грамматическая

правильность речи имеет особое значение, потому что влияет на точность, логичность, ясность речевого произведения. Речь, точная по смыслу, отличается высокой информативностью и прагматичностью содержания.

Цель данной работы – рассмотреть особенности употребления морфологических единиц в юридической речи на примере глагольных форм, как они (глаголы) служат осуществлению основных функций права:

- выражению волевых предписаний государства, уполномоченного лица, либо органа;
- передаче этих предписаний гражданам и учреждениям;
- регулирования общественных отношений.

Волеизъявление требует особого способа изложения, в юридических документах главное – устанавливать (констатировать) факты, явления, действия. Констатировать (действие, глагол) – «устанавливать, отмечать наличие чего-либо».

Значение процессуальности свойственно глаголу независимо от его лексического значения и представлено как процесс, например,

- 1) действия (обжаловать, предусмотреть);
- 2) состояния (грустить, ненавидеть);
- 3) отношения (преобладать, содержать)¹.

Надо отметить, что среди всех частей речи глагол вызывает наибольшие трудности в образовании грамматических форм и категорий, поэтому требует соблюдения некоторых правил. Большинство грамматических категорий имеет варианты формы (*выразить – выразиться, легализовать – легализировать, поднимать – подымать, развесить – развеять и др.*), поэтому стилистические возможности глагола очень разнообразны.

В официально-деловой (юридической) речи используется

- инфинитив: *заявить, назначить, определить*;
- личные формы глагола: *заявляю, назначил, представим, определите*.

Как своеобразие языка права отметим использование грамматических форм и категорий глагола таких, как наклонение и время, когда глаголы одного наклонения могут употребляться в значении другого, а также глаголы одного времени в значении другого.

Инфинитив называет действие или процесс, состояние, однако не указывает время действия, реальное лицо.

Заметим, что предложения с такими конструкциями придают юридическому тексту категоричный характер: *вменить, испросить, арестовать, предъявить, обязать, потребовать...*

(*На основании изложенного, руководствуясь ст. ... признать недействительным договор; наложить арест; взыскать с ... расходы по госпошлине, возбудить уголовное дело; меру наказания определить...*).

¹ Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – Ч. 1. – 544 с. – С. 80.

Особенно часто употребляются глаголы в описательной части приговоров, решений, постановлений суда, в протоколах допроса, в которых перечисляются преступные действия обвиняемого (подсудимого) или излагаются обстоятельства гражданского дела. Точность, категорическое повеление в юридических документах, как правило, выражаются глаголами совершенного вида или сочетанием инфинитива с именем существительным, либо прилагательным и др. (*по факту кражи возбудить уголовное дело, признать виновным, истец заявил ходатайство..., представитель просил оставить..., принять новый судебный акт об отказе в иске*).

В процессуальных актах, в которых описаны преступные действия обвиняемого, употребляются глаголы прошедшего времени совершенного вида, реже – несовершенного: *Подсудимый рассказал..., что встретил знакомого, они пошли по улице и встретили Колунова...*

Заметим, что употребление в судебных документах глаголов совершенного вида прошедшего времени таких, как *постановил, приговорил, решил, определил*, указывает, что в этих документах содержится окончательный вывод. При помощи глаголов совершенного вида, употреблённых в повелительном наклонении, передаётся категоричная просьба: *укажите место преступления; поясните суду... расскажите, что вам известно о хищении...*

А вот глаголы несовершенного вида повелительного наклонения зачастую имеют значение просьбы или совета, однако такие обороты используются только в устной речи.

В протоколах допроса, при изложении преступных действий обвиняемого в значении прошедшего времени могут использоваться глаголы настоящего времени, не связанные с моментом речи (*он возвращается домой; зажимает ей рот; наносит удары, кричит...*). Как результат – правдивое описание ситуации, в которой совершилось преступление.

В юридических документах официальному выражению информации от имени государства способствует преобладание пассивной формы выражения, которая проявляется в использовании страдательного залога. Это объясняется особенностью официально-деловых бумаг, для которых типично обобщённое указание на действие как на факт, а не на поступательный процесс; часто это отражает предписывающий характер документа, в результате чего действие приобретает оттенок необходимого, неизбежного¹.

Границы и режим округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов, имеющих федеральное значение, устанавливаются Правительством Российской Федерации².

¹ Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – 11-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с. – (Высшее образование). – С. 13–14.

² Земельный кодекс Российской Федерации [действующая редакция от 30.12.2021] (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 10.01.2022). – С. 96.

Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства¹.

Глаголы страдательного залога усиливают акцент на самом действии как необходимом, неизбежном, в этом и проявляется предписывающий характер юридического подстиля: *Штраф взимается в размере..., Взыскание налагается.*

В юридических документах, в которых требуется особая точность, страдательные конструкции могут включать указание на производителя действия в творительном падеже. *Убытки возмещаются организациями.*

Данные примеры позволяют сделать вывод, что при использовании морфологических категорий и грамматических форм глагола процессуальная норма проявляется в языковых средствах.

Особого внимания требует употребление личных форм глагола, на морфологическом уровне «*неличный характер*» официально-делового стиля подчёркивается ослаблением форм глагола и местоимений. Однако, употребление глаголов 1-го, 2-го лица и личных местоимений ограничено определёнными документами: *завещаю – в завещании; доверяю – в доверенности, удостоверяю – в гражданско-правовых документах, составляемых нотариусом; даю (подписку) – в подписках; уведомляю, вызываюсь – в уведомлениях, повестках; утверждаю – в обвинительном заключении; Вы, Вас, Ваше употребляются в повестках и уведомлениях и др.*

Важным моментом, на наш взгляд, является ст. 190 УПК РФ, в которой указано, что языковые средства регламентированы в протоколе допроса: *Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно*².

В устной судебной речи для внесения дополнительных и смысловых оттенков в функции повелительного наклонения часто используются глаголы 1-го лица множественного числа будущего времени: «...*рассмотрим доказательства вины Грязнова; вспомним, что нам известно о подсудимом; проследим его действия одно за другим...*».

Подчёркиванию различных мнений сторон способствует употребление 3-го лица множественного числа, что, несомненно, создаёт в речи оттенок обобщённости, например, в выступлении адвоката или прокурора: «*Мне могут возразить... Мне могут сказать...*».

Итак, каждая мысль передаётся языком, который служит формой для содержания, и эта мысль постигается уже оформленной языковыми средствами.

Юрист своей деятельностью охраняет нормы права с помощью языка, и совершенствование работы судов, следователей, нотариусов напрямую связано с улучшением качества составляемых юристом документов.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

Гладких Виктор Иванович
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
г. Москва

ЯЗЫК УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Язык в жизни нации, государства, социума и отдельного человека – это многофункциональное явление, которое включает в себя, в первую очередь, коммуникативную функцию, то есть средство общения людей друг с другом. С помощью языка люди выражают свои мысли, эмоции и желания. В нем находит отражение вся совокупность знаний и представлений человека о мире.

Вместе с тем, язык является не только формальным средством обмена уже готовыми мыслями. С его помощью происходит формирование нового знания, новых мыслей, в связи с чем выдающийся мыслитель – языковед IX века В. Гумбольд назвал язык органом, образующим мысли¹.

В свою очередь коммуникативная функция языка выделяет такие ее разновидности, как информационная, агитационная и эмотивная.

С помощью информационной функции человек передает другому человеку определенные сообщения. Агитационная функция выражается в призывах, приглашениях, побуждениях к каким-либо действиям.

С помощью эмотивной функции люди выражают свои чувства, эмоции, переживания.

Помимо основных функций язык выполняет так называемую метаязыковую функцию, служащую целям пояснения или идентификации предметов, а также фатическую функцию, с помощью которой устанавливается контакт между участниками общения.

Ну и, конечно же, язык является основным средством познания окружающей действительности, то есть выполняет гносеологическую функцию и ее разновидности – аксиологическую (оценочную), номинативную (функцию называния) и предикативную (соотнесения информации с действительностью).

В повседневной жизни эти функции проявляются в различных сочетаниях. В устной речи, например, могут сочетаться информационная, агитационная, фатическая функции. В жанре научного доклада или статьи преобладает информационная функция².

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 318.

² Язык и его свойства. Основные функции языка. Системность языка. – URL : <https://lek.tsii.org/7-81056.html> (дата обращения 05.06.2021).

Нас в большей степени интересует роль языка как средства правовой коммуникации и, в частности, в сфере уголовно-правовых отношений.

Эти вопросы возникают уже при определении слова «уголовный». Принято считать, что это понятие появилось от наказания в виде смертной казни, то есть лишения преступника жизни, то есть «головой».

Интересно проследить, как трансформировались некоторые уголовно-правовые понятия, например, понятие преступления и преступника.

Этимологически слово преступление означает преступить какую-то черту, предел, в данном случае запрет на совершение общественно опасного деяния.

Надо сказать, что понятие преступления появилось в отечественном уголовном законодательстве не сразу. «Русская правда» трактует преступление как «обиду»¹. В Литовском Статусе и других правовых памятниках Западной Руси в одних случаях преступление называлось «выступ», то есть нарушение норм права, в других как «шкода», «кривда», «гвалт»².

В Судебнике 1497 года преступление именуется как «лихое» дело, а преступник – «лихоимец»³.

Современный термин для обозначения преступления дается только в Артикуле воинском Петра I⁴.

Имели другие названия и некоторые преступления. Так, по Судебнику 1497 года убийство называлось «душегубством», кража – «татьба», от слов «тайное хищение чужого имущества», а вор, соответственно, – «тать».

Язык современного уголовного закона опирается на русский язык, сформировавшийся к началу 21-го века. Это язык устной, или разговорной, речи, язык официальных документов, язык научных исследований, язык уголовного судопроизводства.

К большому сожалению, приходится констатировать тот факт, что уровень владения устным и письменным языком современными людьми разных уровней подготовки, разных профессиональных и социальных принадлежностей оставляет желать лучшего. Это касается и студентов юридических вузов, и практикующих юристов, и сотрудников правоохранительных органов, и даже представителей юридического научного сообщества. Причины этого негативного явления, по нашему твердому убеждению, лежат в недостатках школьного образования, пережившего ряд не совсем удачных реформ, а также в переходе значительной части сфер нашей жизни в виртуальное пространство: Интернет, социальные сети, гаджеты и т.п., где сформировалось так называемое клиповое мышление, основанное на комиксах, зрительном ряде, фразах-клише, выражениях-мемах, специфическом

¹ Русская Правда (краткая редакция), оригинал. – URL : <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-kratкая/russkaya-pravda-kratкая-original.htm>

² Советский юридический словарь. Литовский статус. – URL : https://soviet_legal.Academic.ru (дата обращения 05.06.2021).

³ Судебник 1497 г. – URL : <http://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения 05.05.2021).

⁴ Артикул воинский Петра I. – URL : <https://poisk-ru.ru/s52562t9.html> (дата обращения 05.05.2021).

языке общения, упрощенном выстраивании фраз и т.п., зачастую далеких от правильного классического русского языка.

Известно, что так называемое доперестроечное поколение, особенно люди старшего возраста, воспитывались и образовывались на стандартах классической советской школы, предполагающей получение большого объема знаний в различных сферах общественной жизни, дополненного самостоятельным освоением изучаемого материала. Для этого необходимо было много читать самой разной литературы, а чтение грамотных текстов, особенно классиков русской и зарубежной литературы, приучает к правильной русской речи, вырабатывает автоматические навыки грамотного произношения и написания.

Все это за последние годы практически утрачено. Всеобщий низкий уровень языковой грамотности поразил все слои общества: сейчас крайне трудно встретить чиновника высшего уровня, депутата, бизнесмена, практикующего юриста и даже ученого, безупречно владеющего русским языком и грамотно излагающего свои мысли.

Часто встречаются такие речевые ошибки, как «осУжденный», «возбУжденный», «новорОжденный», «прОтокол», «средствА», «дОговоры», «приговорА», «обеспечЕние», «грАжданство» и т.п.

В речи правоохранителей нередко встречаются такие названия статей уголовного кодекса, как, например, «ст. 159 прим один», «ст. 185 прим два». Что означают эти «примы», редко кто может объяснить. А все дело в том, что в советское время некоторые составы преступлений в дополнение к номеру статьи получали значок. Это значило, что данная статья УК была включена в него дополнительно, после криминализации соответствующего деяния, и чтобы не нарушать общий порядок нумерации статей уголовного кодекса, новая статья располагалась рядом со статьей, близкой по содержанию, и к номеру предыдущей статьи добавлялась цифра или по-другому «значок» 1. Затем цифра один трансформировалась в слово «прим», производное от латинского *prima*, то есть первый. Когда же в постсоветском уголовном законодательстве появилось много новых смежных составов со значками 1, 2, 3, 4, 5 и даже 6, употреблять слово «прим» стало бессмысленным.

Небрежное отношение к культуре юридической речи проникло и в ряды журналистов, сценаристов, политиков, от которых, не говоря уже о героях бесконечных детективных сериалов, нередко можно слышать такие выражения, как «следователь уголовного розыска», «оперативно-следственный отдел», «допустимая самооборона», «преднамеренное убийство», «сотрудник внутренних органов» и др.

Страдают низким уровнем грамотности и многие уголовно-процессуальные документы: постановления, определения, приговоры и т.п. Их отличают речевые ошибки, несогласованность падежей, логические нестыковки, необособление причастных или деепричастных оборотов, грамматические ошибки и т.п.

Все это можно было бы списать на издержки большой физической загруженности сотрудников оперативных подразделений, дознавателей,

следователей, судей, через которых проходит большое количество материалов доследственной проверки, уголовных дел, судебных решений, которые не всегда можно грамотно оформить, отредактировать, вычитать и т.д. Однако очевидно, что это не те случаи, когда форма документа вторична по отношению к его содержанию. Дело в том, что в юридических документах должно быть полное единство формы и содержания. От грамотного оформления правовых документов во многом зависит правильность использования закона, уголовно-правовых терминов, точность уголовно-правовой квалификации содеянного, полнота и достоверность содержания обвинительного заключения, судебного приговора, что, в конце концов, влияет на правильную правовую оценку совершенного преступления и вынесения законного и справедливого приговора.

Однако еще большую тревогу вызывает качество уголовного законодательства, как с точки зрения его правового содержания, так и формы выражения. Грамотно сконструированная уголовно-правовая норма способствует ее правильному правоприменению, и наоборот.

Общеизвестно, что язык закона, тем более уголовного, где цена ошибки многократно выше, нежели, к примеру, в отраслях частного права, должен быть выверен до филигранности, не содержать неоднозначных понятий, логических противоречий, дихотомичных конструкций, восприниматься всеми правоприменителями одинаково и не допускать субъективного, произвольного толкования.

К сожалению, уголовное законодательство последних десятилетий страдает всеми названными выше изъянами. Речь идет о действующем уголовном кодексе 1996 года, которому в этом году исполнилось двадцать пять лет¹.

Прежде всего следует отметить нестабильность действующего уголовного законодательства. За четверть века, по некоторым данным, в него было внесено около двух тысяч изменений и дополнений. Некоторые из них носили чисто технический характер, но многие вносили существенные изменения в уголовный закон. Следует сказать, что нередко вносимые изменения не имели криминологического обоснования, носили либо политический, либо конъюнктурный характер. Из-за низкого качества уголовного законодательства в уголовном кодексе появилось много норм-двойников, норм-фикций, которые либо не работают вовсе, либо востребованы крайне редко, зачастую из-за низкого качества вносимых изменений. В результате уголовное законодательство утратило системность, обросло рядом специальных норм, которые дублируют действующие нормы, создают необоснованную конкуренцию между ними, а многие обладают низкой технологичностью, в том числе из-за несовершенства их конструкций.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). – URL : <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW10699> (дата обращения 05.06.2021).

Одной из проблем не востребоваемости многих норм является наличие в них так называемых оценочных (неконкретизированных) понятий. По некоторым подсчетам, в уголовном кодексе насчитывается около двухсот таких понятий. Если же норма не имеет четко прописанных признаков, ее применение отдается на откуп правоохранительных органов, прежде всего дознавателей, следователей и судей. Учитывая многозначность некоторых понятий, обусловленную семантическим многообразием русского языка, трактовать эти понятия можно по-разному, а это не допустимо в судебной практике. К таким понятиям можно отнести такие, как: «существенный вред», «значительный ущерб», «иные тяжкие последствия», «беспомощное состояние потерпевшего», «особая жестокость», «жестокое обращение», «общеопасный способ», «злостное уклонение», «психическое расстройство, не исключающее вменяемость», «превышение пределов необходимой обороны», «крайняя необходимость», «обоснованный риск», «развратные действия», «экстремистские действия» и много других.

В уголовном законе давно бытуют выражения, противоречащие нормам русского языка. Что означает такое выражение, как «убийство – это умышленное *причинение смерти другому человеку*»? Представляется, что причинить можно вред, ущерб, убытки и т.п. Как можно причинить смерть? Не правильнее было бы сказать – умышленное лишение жизни другого человека?

Что означает выражение «преднамеренное банкротство» (ст. 196 УК)? Все словари разъясняют, что преднамеренный – это совершенный с заранее обдуманым умыслом. Однако в теории уголовного права нет такой формы вины, как преднамеренность, есть только умысел или неосторожность. С этой точки зрения, следует сказать «умышленное банкротство», совершенное с заранее обдуманым умыслом. С легкой руки законодателя и журналистов стали гулять такие выражения, как предумышленное или непредумышленное убийство, что, явно, является западной калькой, поскольку в российском уголовном законе есть только одно понятие – «убийство» как преступление, совершенное умышленно (ст. 105 УК), и «причинение смерти по неосторожности» (ст. 109 УК).

Почему ст. 277 УК называется «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»? В уголовном законе не раскрывается понятия посягательства. В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 277 УК, речь может идти либо о лишении жизни потерпевшего, то есть об убийстве, либо о причинении ему вреда здоровью, что, как правило, квалифицируется как покушение на убийство, то есть разновидность неоконченного преступления. С этой точки зрения правомерно назвать статью 277 УК «Убийство государственного или общественного деятеля».

Ст. 123 УК раньше называлась «незаконное проведение аборта». Видимо, законодатель посчитал, что это выражение не соответствует официальной медицинской терминологии и изменил название нормы на

«незаконное проведение искусственного прерывания беременности». Даже соглашаясь в целом с таким новым названием нормы, трудно назвать удачным сочетание слов «проведение прерывания». Не проще ли было назвать норму «незаконное искусственное прерывание беременности»?

Видимо, по той же причине норма об ответственности за незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128 УК) превратилась в громоздкое - «незаконная госпитализация в медицинское учреждение, оказывающее психиатрическую помощь в стационарных условиях», при том, что понятие психиатрического стационара никто не отменял.

Теория и практика уголовного права гласит, что мошенничество – это всегда хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием. В 2016 году данная норма пополнилась частями 5–7, предусматривающими ответственность за так называемое предпринимательское мошенничество, то есть мошенничество, сопряженное с преднамеренным (*опять преднамеренным, почему не умышленным!?*) неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Как видим, законодатель стыдливо убрал из этого определения даже обязательное понятие «хищение», чем поставил вопрос о соответствии подобного деяния классическому пониманию мошенничества.

В ст. 160 УК «Присвоение или растрата» вызывает правомерность разделительного союза между двумя формами хищения – присвоения и растраты. Практика показывает, что хищение вверенного виновному имущества может быть совершено и только путем присвоения, и только путем растраты, а может и тем и другим способом. Тогда в названии нормы правомерно поставить и соединительный, и разделительный союзы: и (или).

Это же касается того же мошенничества, которое, согласно ст. 159 УК, может быть совершено альтернативно – либо путем обмана, либо злоупотреблением доверием. Практика показывает, что это не так. Подавляющее большинство мошенничеств совершается одновременно путем обмана и злоупотребления доверием, очень редко – только путем злоупотребления доверием, поэтому было бы более правильным поставить между этими словами союзы и (или).

Нередко можно отметить несоответствие между названием уголовно-правовой нормы и ее фактическим содержанием.

Так, ст. 170 УК РФ называется «регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом», однако в самой статье речь идет не только о деянии, вынесенном в название нормы, а еще и об умышленном искажении государственного кадастра недвижимости... и занижении кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Ст. 205.6 УК носит название «несообщение о преступлении», из чего можно сделать вывод, что данная норма предусматривает ответственность за несообщение о любом преступлении, однако диспозиция указанной нормы предусматривает ответственность только за несообщение о преступлениях террористической направленности.

Ст. 282.2 УК, судя по ее названию, содержит норму об ответственности только за организацию террористического сообщества, в то время как в самой статье предусмотрена ответственность не только организаторов террористических сообществ, но и их рядовых участников (ч. 2).

Встречаются нормы с явным нарушением действующего уголовного законодательства.

Так, в ст. 207 УК предусмотрена ответственность за «заведомо ложное сообщение об акте терроризма», между тем, в законе нет такой нормы, как акт терроризма, а есть ст. 205 УК – «террористический акт», а терроризм – это не какое-то конкретное преступление, а сложное социально-правовое явление.

В ряде норм установлена ответственность за деяния, сущность которых не раскрыта ни в самих нормах, ни в других нормативно-правовых актах, ни даже в постановлениях Пленума Верховного суда РФ. Это касается такой, сравнительно новой нормы, как ст. 210.1 УК – занятие высшего положения в преступной иерархии. Мало того, что в изложении объективной стороны данной нормы не указано деяние, совершение которого наказывается уголовным законом, нигде не раскрывается понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Таких примеров можно приводить много, что еще раз подтверждает высказанную нами мысль о низком качестве уголовного закона, в частности обусловленном неудовлетворительным владением законодателя русским языком, являющимся для большинства жителей нашей страны родным, а также государственным языком, равно как и невысокой языковой культурой юристов различных категорий, что является неприемлемым и требует новых законотворческих и правоприменительных подходов в противодействии преступности уголовно-правовыми средствами.

Джелилов Ахтем Алиевич
доктор философии, профессор, академик,
Почетный доктор наук
Региональной академии менеджмента Казахстана,
начальник отдела международных связей АНО «ПОО» «ФЭК»,
АНО ООВО «Университет экономики и управления»,
г. Симферополь, Республика Крым

ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: АНГЛИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Развитие лингвокультурологического направления обуславливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире.

Проблемам взаимодействия языка и права посвящен ряд работ в отечественной и зарубежной лингвистике. В результате чего, образовался целый ряд прикладных наук – лингвокриминалистика, юридическая лингвистика, правовая лингвистика, судебные речеведческие экспертизы и др.¹

Фрагменты правовой действительности, связи и отношения находят отражение в языке как общественном явлении. Современный английский юридический дискурс представляет собой широкий диапазон синтеза языковых единиц, семантика которых обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Данная система включает:

- социальные знания правовых норм;
- судебно-процессуальные системы;
- юридическую терминологию;
- фразеологические выражения;
- культурные концепты.

Разные страны имеют свои различные юридические системы. Язык каждой нации содержит собственные юридические термины.

Толкование понятийной и терминологической базы английский языка в правовой сфере США, Великобритании, Канады и Новой Зеландии имеют расхождения в лексической эквивалентности. Если для европейцев унифицирован документ *The Universal Declaration of Human Rights / Всеобщая декларация о правах человека*, то для государств – членов Европейского сообщества – документы, положения и решения этой международной организации. Это обусловило появление в языках ряда эквивалентов и аналогов.

Юридический дискурс имеет своеобразное языковое выражение:

1. Текст большинства документов имеет ровный и спокойный стиль, не вызывающий дополнительных ассоциаций и не отвлекающий от сути документа. Нейтральное изложение юридических норм повышает эффективность правового регулирования. Качество юридического перевода определенным образом влияет на эффективность правоприменения, степень регламентации конкретных отношений.

2. Фразеологические единицы: *three strikes law, three strikes justice, three strikes offender*. – букв. *законы трех ударов, правосудие трех ударов правонарушитель, осужденный по закону трех ударов*. Эти словосочетания являются метафорически переосмысленными единицами и соотносятся с правилами игры в бейсбол, согласно которым, игрок, получающий три штрафных удара, выбывает из игры («Three strikes – and you are out»). Согласно американскому законодательству, человек, имеющий две предыдущих судимости и нарушающий закон в третий раз, получает чрезвычайно строгое наказание, вплоть до смертной казни или пожизненного заключения, как правило, несоизмеримое тяжести правонарушения.

¹ Nielsen, Sandro. *The Bilingual LSP Dictionary. Principles and Practice for Legal Language*. – Gunter Narr, 1994. – P. 10–16.

3. Юридические аббревиатуры: *DUI / DWI – Driving under the influence / driving while intoxicated* (вождение автомобиля в нетрезвом состоянии); *ROR – release on recognizance* (освобождение с подпиской о невыезде); *GBMI – guilty but mentally ill* (виновный, но требующий принудительного психиатрического лечения в период отбывания срока исполнения наказания).

4. Юридические термины – словесные обозначения понятий, используемых при изложении содержания закона (иного нормативного юридического акта), слова (словосочетания), которые употреблены в законодательстве, являются обобщенными наименованиями юридических понятий, имеющих точный и определенный смысл, и отличаются смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью¹.

В течение нескольких веков французский язык играл немаловажную роль для юриспруденции. В XIII–XIV вв. (и даже вплоть до XVIII в.) французский был одним из языков права в Англии (а также в течение длительного времени являлся международным деловым языком), и большое количество французских слов перешло в английскую юридическую лексику, многие из которых имели латинские корни: *chattel, court, domicile, estate, laches, lease, petitjury, tenant, voirdire*. При сравнении английских и французских синонимов можно заметить, что первые более «просторечны» и конкретны, а вторые – более интеллектуальны и абстрактны: например, *freedom u liberty*.

Кроме того, французский язык оказал влияние на синтаксис в английских юридических текстах: *The provisions for termination hereinafter appearing. Will at the cost of the borrower forthwith comply with the same.*

Важно отметить, что французский язык стал проводником опосредованных латинских заимствований: *justice, accuse, cause, jury, plead*.

Многие документы переводились с латинского языка на английский, что явилось следствием многих заимствований: *mensrea, actusreus, ad valorem, habeas corpus, obiterdictum, legal aid – in forma pauperis, facts of crime – corpus delicti, beyond powers – ultra vires, donation gift – donation mortis causa, lawsuit – lis, legal aid – in forma pauperis, facts of crime – corpus delicti, beyond powers – ultra vires, donation gift – donation mortis causa, lawsuit – lis*.

Конец XIX столетия стал золотым веком для юридической науки в Германии, оказавшей огромное влияние на всю Европу и Северную Америку.

Широкое распространение получили выражения и заимствования, относящиеся к различным школам права: *Begriffsjurisprudenz* («Юриспруденция понятий»), *Pandektenrecht* («Романо-германское право»), понятие *Rechtsgeschäft* («Юридическая сделка»).

¹ Алимов В.В. Юридический перевод. Практический курс. Английский язык. – М. : КомКнига, 2010. – 268 с.

В англоязычной терминологии распространено и явление синонимии, что является следствием долгих языковых контактов: *mercy killing – euthanasia, seizure – forfeiture, deceit – false representation, Natural Law – Law of nature, Substantial law – Law of substance, Action – complaint, claim, plea, lawsuit.*

1. Культурные концепты. Особое место в англоязычной правовой культуре отведено судебному дискурсу.

К примеру, жанровое пространство американского судебного дискурса в его современном состоянии сформировано многолетней судебной практикой, при этом центральным жанром является судебное решение (*court judgment*), в качестве поджанров которого выступают собственно решение суда, или мнение большинства (*court opinion* или *majority opinion*), особое мнение согласия (*concurring opinion* или *concurrence*) и особое мнение несогласия (*dissenting opinion* или *dissent*).

В американском судебном дискурсе концепт *Constitution* представляет собой сложное ментальное образование, аккумулирующее информацию, знания и опыт судей о данном фрагменте объективной действительности, вербализуемое определенными языковыми средствами, имеющее национальную специфику и отражающее культурные ценности американского социума. Развертывание содержания концепта осуществляется в соответствии с тремя выделенными смысловыми лексическими парадигмами:

- Конституция – Документ / *Constitution – Document*;
- Конституция – Право / *Constitution – Law*;
- Конституция – Контроль / *Constitution – Control*¹.

Концепт *Constitution* вербализуется определенными языковыми средствами, имеет национальную специфику, в частности отражает культурные ценности американского социума, что обуславливает многомерность его структуры и важную роль в картине мира данной лингвокультурной общности.

Концептуальная категория представляет собой символическую репрезентацию категории реального мира (или некоторого возможного мира), а каждый акт категоризации реальных событий посредством языковых средств отражается в соответствующих языковых единицах.

Лингвистическая категоризация позволяет понять, на основании каких критериев человек выносит суждения и разносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группировкам, в данном случае – каким образом судьи систематизируют и упорядочивают явления и объекты действительности в результате своей профессиональной деятельности. Так, концепт *Constitution* насчитывает несколько фреймов: *Religious Clauses, Free Speech, Article, Amendment* и т.д.²

¹ Шевырдяева Л.Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений верховного суда США) : автореф. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки». – М., 2009. – 25 с.

² См. там же.

К примеру, фрейм *Religious Clauses* будучи многомерной, иерархически организованной структурой, включает 5 основных узлов:

- граждане – *citizens / people*;
- действия граждан в сфере религии – *religious exercise / religious freedom*;
- государство – *State / government / legislation*;
- действия государства в сфере религии – *religious accommodation*;
- процессуальный инструментарий – *free exercise requirements*, позволяющий оценить действия субъектов правового процесса по линии «законное / конституционное – незаконное / неконституционное».

Каждый из выделенных узлов фрейма представляет собой сгруппированные по какому-либо общему основанию или признаку объекты, явления или процессы действительности, причем далее узел фрейма может распадаться на ряд слотов.

Концепты в судебном дискурсе формируются шире, чем просто правовые понятия, что объясняется интердискурсивностью судебного дискурса, интегративным, открытым для всего общества характером судебной коммуникации.

Концепты, которыми оперируют судьи, определяются не только правовой нормой, но и широким спектром социальных, культурных, морально-этических и других предпосылок.

По сведениям Комиссии по жанрам юридических текстов (Великобритания), количество используемых в профессиональной сфере типов текстов насчитывает около семидесяти. Такое жанровое многообразие обусловлено множественностью источников права, а применительно к английской юридической терминологии, и развитостью англосаксонской правовой семьи, к которой причисляются, прежде всего, правовые системы США и Великобритании.

Наличие языковых единиц разных уровней, носящих информацию о правовой культуре, подвергшихся ряду экстралингвистических изменений, объединенных общим дискурсом, становятся предметом исследования таких наук как лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

Язык – базовый сегмент культуры. Юридический дискурс как отражение английской правовой культуры нуждается в формировании категориальной, понятийной, а также концептуальной систем и создании специальных словарей.

Лабашева Наталья Александровна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 1,
Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

Трубчанинова Ирина Ивановна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ В ЮРИСЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. Исследования научного стиля юрислингвистики, как относительно новой области языкознания, возникшей на стыке юриспруденции и лингвистики, позволяют оказать компетентную поддержку участникам иноязычного общения. Задачи данной статьи состоят в том, чтобы определить синтаксические и лексические особенности научного стиля юрислингвистики на конкретных примерах; выяснить допустимость экспрессивности и эмоциональности в английской научной речи; обобщить наблюдения, выделив стилеобразующие факторы юридического научного стиля в английском языке. Провести анализ характерных особенностей и привести примеры, проанализировать имеющиеся характеристики разделов юрислингвистики: конфликтного функционирования языка, принципы регулирования, практического применения аспектов государственного языка и языковой политики. Выделить преломление естественного языка в момент сближения с юридическим научным стилем. Выделить основополагающие моменты существования языка в юридическом бытии. Тема актуальна для научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов.

Ключевые слова: юрислингвистика, дискурс, стиль, синтаксический, лексический, эмоциональность, номинальность, абстрактность, логичность, общение, информация, содержание, рефлексия, последовательность, связанность.

Много научных работ посвящено описанию и анализу научного стиля в юрислингвистике. Одним из таких авторов является Н.Д. Голев, внесшего большой вклад в поддержку и развитие российской юрислингвистики. Задача состоит в том, что текст должен быть одновременно точным по содержанию и понятным, что не всегда мы видим на практике. Исследования К.В. Харченко, Н.В. Чирковой, Дж. Тэлбота, С. Мамфорд, Э. Койалан, Д. Байбер, Б. Грей, И. Мартинез, Г.И. Ахмановой, О.И. Богомоловой, К.А. Глушковой,

Н.М. Разинкиной, И. Васильевой и других отмечают, что письменная работа является непростым мыслительным процессом¹.

Процесс эффективного обмена научными данными происходит в условиях повышенного интереса к международному научному общению посредством передачи информации на английском языке. Юридическому научному стилю характерны логическое, последовательное и связанное изложение материала. Какие же средства выражения мысли могут быть наиболее подходящими и соответствующими нашей действительности. Можно выделить ряд лексических форм в юрислингвистике: синонимия, омонимия, антонимия, полисемия, историзмы и архаизмы, профессионализмы и жаргонизмы, заимствованные слова.

Возникает необходимость понимания лексических, грамматических и морфологических особенностей языка. Научный дискурс юриспруденции представляет лексико-грамматические приемы, направленные на соблюдение основных принципов. Способы выражения научного стиля на английском языке позволяют авторам научных разработок донести информацию и доказать ее истинность, что и позволяет чувствовать себя вполне конкурентоспособными на международном рынке.

Наиболее распространенной формой обмена информацией являются научные публикации, что представляет собой яркий пример научного стиля юридической письменной речи. К этой категории можно отнести доклады, рефераты, диссертации, труды, статьи, монографии, учебники, патентные описания (описание изобретения), аннотации, документацию, каталоги, справочники, спецификации, инструкции. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать какие из имеющихся характеристик научного стиля синтаксические и какие лексические. Определить способы экспрессивности и эмоциональности в английской юридической научной речи и степень допустимости, тем самым оказать компетентную поддержку участникам иноязычного общения.

Следует обратить внимание, что любой юридический научный труд стремится к корректности передачи информации читателю или слушателю. Совершенно необходимо полное понимание, что все факты будут осмыслены, идентифицированы и наиболее актуальные соотнесены с собственным пониманием и мнением.

Английский научный юридический стиль характеризуется такими терминами как consistency, coherence, cohesion, objectivity, hedging, etc. Рассмотрим некоторые из них. Consistency – логичность в английском языке использует в некоторых случаях лексические средства такие как: вводные слова и словосочетания (in addition to, however, on the one hand, according to, etc), распространенные определения. В то же самое время могут быть использованы синтаксические средства, например, причастные и деепричастные обороты, распространенные сложные предложения с союзами, указывающими на связь между предложениями (while, because, therefore, despite the fact that, etc).

¹ Cilliers, Charmain B. Student perception of academic writing skills activities in a traditional programming course/ZComputers & Education. – 2012. – № 58. – P. 1028–1041.

Coherence: main idea – supporting statement – example. Последовательность в научном тексте английского языка должна быть выражена логично и подкреплена лексически и синтаксически. В частности, мысль выражается от общего к частному, демонстрируя пример.

Cohesion: чтобы достичь связанности в научном тексте, используются различные лексические и грамматические способы: двойные союзы, например, *not merely...but also, whether... or, both... and, as... as..., as... so...*

Устойчивые выражения: *to sum up, as we have seen, so far we have been considering*, а также наречия *finally, again, thus*. Связанность представляет собой лексические и грамматические связи внутри целого текста.

Местоимения «it», «he», «him», «this», «that», «here», «there», «etc», могут быть использованы как связки в тексте ((reference) – ссылка) которые заменяют или указывают на другие слова или части текста. Для эффективного достижения связки в тексте имеются иные формы: *ellipsis, substitution, conjunction, lexical cohesion*.

Что касается абстрактности, то четко просматривается использование лексических средств к ним относятся абстрактные существительные (*knowledge, intention, development, requirement, tendency, enjoyment, innovation, acknowledgement, etc*). К этой категории можно отнести специальную лексику и терминологию, особенно международную (*function, specialist, expert, manager, etc*). Статистика отражается точными цифрами (*51 % of pupil, 11 million kilometers, etc*).

«Факты говорят сами за себя безличным образом» – отметила И. Мартинез¹. Речь идет об объективности, авторской скромности, что достигается грамматическими и синтаксическими средствами, к примеру: безличными предложениями (*It is known that ... It can be said that ... There is an opinion that..., etc*), пассивными конструкциями, или местоимениями 1-го лица множественного числа (*we, our, etc*).

Завуалированность авторского отношения в юридических научных текстах соблюдается для передачи объективности. В английском языке количество таких ограничителей (*hedges*) – и, соответственно, степень отстранения автора – самое большое по сравнению с некоторыми другими языками². Для отражения авторской интенции часто используется смягчение и уклончивость, которая достигается лексическими и грамматическими способами:

1) модальные глаголы и эквиваленты (*can, could, may, might, must, should, had better, have to, ought to, will, would, shall, be going to*) служат для выражения: – possibility/permission/ability; – necessity/owing; – prediction/will.

2) наречия, *expressed certainty (actually, certainly, in fact, etc) – probability (apparently, perhaps, possibly, etc) – attitude (amazingly, interestingly,*

¹ Martinez L.A. Impersonality in the research article as revealed by analysis of the transitivity structure / L.A. Martinez // *English for Specific Purposes*. – 2011. – № 20. – P. 227–247.

² Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing / I. Vassileva // *English for Specific Purposes*. – 2001. – № 20. – P. 83–102.

surprisingly, etc) – generalization (according to, generally, typically, etc) – frequency (always, often, sometimes, usually, etc)¹.

Однако для большей убедительности не исключаются эмоционально-экспрессивные средства языка. Используются эмоционально-экспрессивные прилагательные (outstanding)²;

- формы превосходной степени прилагательных, выражающие сравнение (the most interesting thing);

- вводные слова, наречия, усилительные и ограничительные частицы (very, extremely, fully, highly, almost, strongly, entirely, completely, totally, significantly, relatively, quite, slightly, rather, only, somewhat, hardly, just, etc); «проблемные» вопросы, привлекающие внимание читателя (What can be done in this case?)³.

Исследование показало многообразие языковых средств английских юридических научных текстов. Ученым других стран следует учитывать способы выражения научного стиля информационной насыщенности.

Пономаренко Вера Анатольевна
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

СУБЪЕКТИВИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТИНЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Все, что мы слышим, – это мнение, а не факт.
Все, что мы видим, – это точка зрения, а не истина.
Марк Аврелий

В контексте анализа юридического текста, потребность в котором возникает при аналитико-экспертной деятельности филолога, важным

¹ Лабашева Н.А. Сленг в юриспруденции / Н.А. Лабашева, И.И. Трубчанинова // В сборнике: Язык профессиональной коммуникации: функции, среды, технологии. сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Ростов-н/Д., 2021. – С. 7–13.

² Мирошниченко Е.А. Профессиональные перспективы юриста, владеющего иностранным языком / Е.А. Мирошниченко, А.С. Лупан, Н.С. Мирошниченко // В сборнике: Профнавигация молодежи. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 302–307.

³ Мирошниченко Е.А. Актуальные ресурсы обучения профессиональной лексике в ходе преподавания дисциплины «иностраный язык в сфере юриспруденции» / Е.А. Мирошниченко, Н.С. Мирошниченко // В сборнике: Язык. Общество. Культура. Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный за выпуск А.С. Усенко. – 2019. – С. 118–127.

представляется понимание категории истины. Для нашей страны такая необходимость стала иметь большое значение в связи с социально-политическими изменениями в российском обществе в конце 90-х годов прошлого столетия. Именно в то время и появился сравнительно новый раздел лингвистики лингвоэкспертология. В самом начале нынешнего столетия был принят Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Таким образом государство осуществило право любого гражданина нашей страны на защиту доброго имени в судебном порядке по фактам оскорбления и распространения заведомо ложных сведений.

Всем ясно, что лингвоэкспертология должна основываться на истине. И именно, в связи с этим положением представляется важным отметить проблему правдивости или ложности истины как таковой. Но что представляет собой истина как таковая: объективна ли истина или субъективна? Если говорить о субъективности и объективности в целом, то сейчас в антиномии объективное – субъективное предпочтение отдается субъективистскому подходу.

Мир предстает в видении одного субъекта отличным от видения другого, а мы знаем, что человеку свойственно ошибаться и менять свою собственную точку зрения в течение своей жизни. Категории и суждения о мире и сути вещей зависят от взглядов того индивида, который этот мир в данный момент своего существования судит. И, как утверждал И. Кант «Мы никогда не узнаем, какова на самом деле вещь в себе»¹. То есть никогда с уверенностью никто не может утверждать, как на самом деле обстоят дела. Всё слишком неоднозначно, а точнее, очень субъективно. Как отмечал Мартин Хайдеггер в своей работе «Язык», «производимые человеком выражения всегда есть представления и изображения действительного и недействительного»², «язык является выражением внутренних страстей человека или руководящего им мировоззрения»³.

У К.И. Бринева читаем: «Традиционная формула «Каждый прав со своей точки зрения» есть не что иное, как форма субъективизма, которая вырастает, в том числе и из свойств языка, при помощи которого одно и то же можно назвать по-разному, тем самым придавая называемому различные оттенки смысла от неуловимых до противоположных»⁴.

Можно ли вообще говорить об истине? Мы понимаем, что истина всегда имеет отношение к конкретному языку, т.е. связана с языковой картиной мира. Представители разных культур, а также разных сообществ в пределах даже одной культуры, могут понимать мир, истину, теории и явления по-разному.

¹ Цит. по: Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика : монография. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2020. – С. 20.

² Хайдеггер М. Язык. Перевод и примечания Б.В. Маркова. – URL : <https://bookshake.net/r/yazyk-martin-haydegger?page=3> (дата обращения 25.04.2021).

³ Хайдеггер М. Указ. соч.

⁴ Бринев К.И. Указ соч. – С. 20.

Позволим переформулировать прежнюю фразу «каждый прав со своей точки зрения» на фразу «все правы со своих собственных точек зрения», и здесь для нас станет более очевидным, что субъективное восприятие намного больше присуще человеку, нежели объективная истина, требующая все новых и новых доказательств. «Если все истинно и ничто не ложно, то тогда, безусловно, что истина – это продукт ментальных состояний субъекта...»¹. И теперь становится нам совершенно понятно, что один человек видит со своей точки зрения в одном ключе, а другой – в ином, порой, совершенно противоположном. И, по-видимому, каждый прав, но по-своему. Часто же мы замечаем, что люди вообще говорят о разных вещах, упорно и наивно полагая, что говорят они об одном и том же, и, совершенно не понимая друг друга, наивно доказывают непреложную истинность своего суждения и ложность суждения своего оппонента.

Более того, каждый человек может судить о том или ином явлении, о том или ином событии, о том или ином положении, тексте и т.д., каждый раз по-разному. Это может быть связано не только с взрослением человека и пониманием им сути жизни, но также и с получением новых знаний или сведений, а зачастую и поменяв образ жизни или войдя в другое сообщество. Причин изменения собственных суждений, как мы понимаем, достаточно много. Но самое удивительное, что человек может понимать и судить об одном и том же по-иному даже в течение одного дня. И это зависит часто от его психологического или физического состояния на определенный момент.

Есть что-то в человеке, что заставляет его противоречить мнению, взглядам, воззрениям другого. И это другое можно определить, как желание утвердить собственную мысль, которая обязательно должна быть отличной от мысли другого. Возможно, что я говорю из собственного опыта, но мы, как мне кажется, всегда говорим лишь из собственного опыта, ведь мы не можем смотреть на мир глазами другого. И здесь ещё одно «но»: как высказать свои идеи, в том числе и противоположные идеям другого, так, чтобы вы оба понимали, что Истины (как таковой, с большой буквы) нет, что все суждения субъективны.

В качестве подтверждения собственных мыслей позволим себе привести слова Зигмунда Фрейда: «Когда-то слова были колдовством, слово и теперь во многом сохранило свою прежнюю чудодейственную силу. Словами один человек может осчастливить другого или повергнуть его в отчаяние, словами учитель передает свои знания ученикам, словами оратор увлекает слушателей и способствует определению их суждений и решений. Слова вызывают аффекты и являются общепризнанным средством воздействия людей друг на друга»².

¹ Бринев К.И. Указ. соч. – С. 20.

² Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / Зигмунд Фрейд; Пер. с нем. Г.В. Барышниковой; Под ред. Е.Е. Соколовой, Т.В. Родионовой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – С. 11–12.

Мы здесь лишь обозначили проблему, перед нами не было задачи раскрывать её, детализировать или приводить примеры. Можно лишь связать субъективность в мышлении с потребностью человека в свободе. И, в связи с этим подчеркнем вклад в социально-политическую философию знаменитого ученого, физика и философа Карла Поппера, чья «открытая философия», его учение об «открытом обществе» были чрезвычайно смелыми в далекую для нас эпоху наступления фашизма и противостояния ему, чьи воззрения оказали влияние на многих ученых последующих десятилетий. Вот что говорит сам Поппер, вступая в прямую полемику с Иммануилом Кантом: «Мы даже более активны и свободны, чем думали вы, ибо сходные наблюдения или похожие ситуации не приводят, как следует из вашей теории, к одинаковым объяснениям у разных людей. И успешность наших теорий объясняется вовсе не тем, что мы сами создаем их и пытаемся налагать на природу. Подавляющее большинство наших теорий, свободно изобретаемых нами идей оказываются безуспешными, они не выдерживают проверки и отбрасываются как фальсифицированные опытом. И лишь очень немногие из них, да и то на время, добиваются успеха в борьбе за выживание»¹.

В данной статье мы попытались объяснить своё понимание истины и заявить о том, что считаем иллюзией веру в объективную истину. Мы понимаем, что даже в своей среде, в обществе коллег, придерживающихся примерно тех же взглядов, которых придерживаемся и мы, часто мы спорим об истинности тех или иных суждений, когда наши убеждения приходят в противоречия с убеждениями других. Даже тогда, когда мнение наших коллег, является плодом серьезных теоретических исследований и многолетнего опыта, мы склонны возражать и утверждать истинность своего видения или же видения того, кому мы безоговорочно верим на данный момент. Резюмирую вышесказанное следующей фразой: наши воззрения носят некоторое сходство с религиозной верой, в поддержку которых, как утверждает наука, нет достаточных данных. На самом деле, не все в жизни однозначно, но все относительно. И все подчиняется не столько голосу нашего рассудка, сколько находится во власти обстоятельств.

Буддийская мудрость гласит: человеческие споры бесконечны не потому, что невозможно найти истину, а потому, что спорящие ищут не истину, а самоутверждение. И, видимо, в этом ключ к пониманию необъективности субъективного подхода к истине.

¹ Цит. по: Мюрберг И.И. Карл Поппер, свобода и дискурс «политического» / И.И. Мюрберг // Журнал «Вопросы философии». – 23.11.2010 г. – URL : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=232 (дата обращения 27.04.2021).

Черникова Лидия Федоровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного университета правосудия,
г. Симферополь, Россия

РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы речевой коммуникации как многосторонний процесс развития контактов и взаимодействия общающихся сторон, где процесс речи сопровождается не только в вербальной форме, но и в действиях, поступках. Обращено внимание на современную языковую личность, на инновационные формы речевой деятельности и выбор юристом тактических средств коммуникации.

Подчеркивается также, то, что юрист, хорошо владеющий речью, имеет гораздо больше возможностей в достижении профессионального успеха.

Ключевые слова: общение, юридическая деятельность, языковая личность, речевая коммуникация, речевой портрет юриста, ораторское искусство, публичные выступления.

Слово, речь сопровождает человека всю его жизнь и играет исключительно важную роль в его жизнедеятельности. Способность говорить является таким же важным элементом, как дышать, видеть, слышать, ощущать. Чем богаче и правильнее речь, тем легче и правильнее передача мысли и взаимодействие с людьми. Психологи считают, что потребность в общении является основной его особенностью, а умение правильно высказать свою мысль даёт широкую возможность в получении важной и необходимой информации. Следовательно, речь – это средство коммуникации.

Проблема речевой коммуникации привлекала к себе внимание ещё с древних времён. Попытки первого рационального осмысления социальной природы речевой коммуникации, речевого общения восходят к ранним периодам развития человечества. Сфера устного слова, живого общения в течение долгого времени играет ведущую роль в развитии научного знания.

Вопрос речевой коммуникации в профессиональной деятельности работников юридического труда остаётся актуальным и сегодня.

Профессиональная деятельность юриста помимо специальных квалификационных знаний, умений требует наличия развитых коммуникативных навыков. В настоящее время очевидным является то, что развитые коммуникативные качества необходимы всем, кто имеет дело с людьми, кто призван воздействовать на них, на их сознание и поведение. Проблема коммуникативной компетентности современного юриста представляется крайне

важной, прежде всего, с практической точки зрения, поскольку именно речевая коммуникация предопределяет успех деятельности юриста любой специализации¹.

В лингвистических науках всегда рассматривались такие категории, как «язык, «речь», сегодня же более широким, актуальным и востребованным является понятие «языковая личность», содержащее характер личности, его культуру, интересы, социальные, психологические установки, т.е. способность человека выполнять речевые действия. Всё это является центром антропоцентрической лингвистики. Проблеме «языковой личности», её структуре уделяется огромное внимание, где исследуется данный языковой феномен с точки зрения разных подходов: социолингвистического, лексикографического, теоретико-методологического, лингвокогнитивного, психолингвистического.

Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. Интерес ученых в первую очередь привлекают такие черты языковой личности, которые обладают совокупностью профессионально-коммуникативных особенностей, применяемые в профессии².

Например, речевое поведение судьи во время судебного заседания может меняться, поскольку может меняться сама ситуация ведения судебного заседания. Председательствующий на суде следит не только за речевым поведением основных действующих лиц: представителя государственного обвинения, адвоката, но и потерпевших, подсудимых, свидетелей. В данной ситуации необходимо определиться с использованием речевых тактик, так как определённая степень гибкости речевого поведения судьи, а также участников судебного процесса возможна при выполнении не только словесной тактики, но и определённых стратегических задач.

Профессионализм судьи с точки зрения языковой личности представляет собой совокупность (множество) единиц разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей языка: специальная юридическая терминология, различные средства официально-делового стиля, административно-правовая лексика, элементы разговорного стиля. Речь является своеобразным паспортом человека, который точно указывает, в какой среде общается говорящий, как он относится к людям и родному языку, каков его культурный уровень.

Культура речи юриста предполагает знание и письменных норм, и устных публичных выступлений. Устная речь требует богатства словаря, художественной выразительности, поскольку она обращена непосредственно к живым людям. Допущенные речевые ошибки дискредитируют юриста.

¹ Ария С.Л. Язык и стиль процессуальных документов / С.Л. Ария // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – М. : ИЦ Университета им. Кутафина (МГЮА), 2014. – № 1. – С. 154–157.

² Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. – М. : КомКнига, 2016. – 242 с.

Если ошибка осталась незамеченной, то юрист, человек образованный, оказывается проводником речевого бескультурья¹.

Взаимодействие речевой коммуникации можно пронаблюдать на примере публичной речи.

Публичная речь – одна из форм речевого (делового) общения, которая должна обладать качествами хорошего собеседования и при этом быть не только убедительной, но и красноречивой, доказательной, логичной, продуманной, красивой. Обычно, такая речь существует в устной форме и направлена на аудиторию с целью информирования и оказание на них желаемого воздействия. Публичная речь монологическая, рассчитана на пассивное восприятие, не требующая ответной словесной реакции, выдвигает сегодня повышенные требования к речи выступающего перед публикой. Здесь главная роль отводится оратору, от которого зависит успех выступления.

Оратор – это дирижер, а аудитория – зрители, а зритель, как известно, достаточно требователен к речи современного оратора, поэтому необходимы его определенная подготовка и профессионализм, знание вопроса, определение целей в достижении успеха.

Важным элементом публичного выступления является «сценарий» и его проведение. Если вы не подготовились достаточно, то не знаете, как говорить, чтобы аудитория вас внимательно слушала. Вы забываете, что хотели сказать, а заданный слушателем вопрос, ставит вас в тупик и выбивает из колеи, вам не удается собраться, раскрепощенно вести себя на сцене перед слушателями. Вы тратите колоссальную энергию и не можете получить ее от аудитории. Самое высшее проявление мастерства публичного выступления – это контакт со слушателями, т.е. общность психического состояния оратора и аудитории. Отношение говорящего к предмету речи, его заинтересованность, убежденность вызывают у слушателей ответную реакцию. Как гласит пословица: «Слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает».

Публичное выступление – это некий «энергообмен» с аудиторией. У оратора – это знание теоретических основ, но неумение применять их на практике. В речи оратора важно все: внешний вид, голос, артикуляция, сила голоса, громкость звука, жесты, мимика, взгляд, темп речи, паузы и т.д. Часто выступающий не может все это контролировать. Однако есть техники, которые помогут собраться, мобилизоваться. Аудитория требуют от оратора высокого мастерства и выступающий должен удовлетворить их потребности.

Речь оратора не является самоцелью, а является результатом успешного выступления. Важно, чтобы все это реализовывалось во время выступления. Это сложно сделать, если вас терзает волнение, вы охвачены страхом. Это значит, что текст выступления должен быть доведен до автоматизма, чтобы не тратить энергию на вспоминание, структурирование и т.д. Все это стресс. Особенно когда необходимо быстро, в кратчайшие сроки «создать» текст, ведь любое выступление – это процесс творческий. Главное – грамотно

¹ Губаева Т.В. Русский язык в судебных актах : научно-практическое пособие. – М. : 2010. – 180 с.

построить процесс выступления, чтобы общее впечатление было на высоком уровне.

С чего же начинается работа над текстом выступления? Как сделать свою речь запоминающейся и достойно представленной? Надо помнить, что оратор – и создатель, и исполнитель речи. Можно составить прекрасный текст, но неудачно с ним выступить. Научиться выступать с речью – это мастерство и настоящее искусство. А раз это искусство, то здесь все важно: прекрасные голосовые данные, манера держаться перед публикой и, конечно же, хороший дружеский и теплый контакт с аудиторией. Ведь требовательная аудитория заметит вашу неуверенность, недостаточное владение темой выступления и т.д.

Публичная речь – это не изящная словесность, не риторическое упражнение, а средство достижения деловых целей. В настоящее время обязательными условиями делового общения, а также публичной речи являются грамотность и логичность, эмоциональность и лаконичность. Повседневная подготовка включает, прежде всего, самообразование в самом широком смысле слова, т.е. постоянное приобретение новых знаний, накопление сведений из различных областей науки и техники, чтение литературы: научной, публицистической, художественной и пр. Известно, что ораторское искусство неотделимо от общей культуры человека. Человеку, часто выступающему публично, следует брать на заметку, записывать примеры, цитаты, афоризмы, цифры, которые могут понадобиться в выступлениях. Д.И. Менделеев часто повторял, что «найденная, но не записанная мысль – это найденный и потерянный клад...».

Любому выступающему необходимо много работать над собой, тщательно готовиться к выступлениям, как это делали выдающиеся ораторы, особенно это касается молодых, начинающих свою карьеру в ораторском искусстве. Ведь ораторами не рождаются, ораторами становятся. Необходимо отрабатывать технику речи, речевое дыхание, дикцию и т.д. Все это наилучшим образом поможет донести до слушателя содержание выступления¹.

Стоит отметить, что публичная речь сродни сценической речи. Поэтому необходимо учиться вербальному актерскому мастерству, умению представить себя перед публикой.

Любое выступление начинается со вступительной части и уж никак со слов-извинений: «...Я не такой уж оратор..., конечно, не могу так хорошо осветить вопрос...».

Люди пришли вас слушать, им нет дела до вашей подготовки.

Почему-то многие ораторы не уделяют вступлению столь важного значения, считая, что суть вопроса в основной части. Большинство начинают свою речь, как придется, спонтанно. Однако существует мировой закон композиции. Он не придуман человеком, это – закон природы и все должно идти поэтапно. Возбудите любопытство слушателей с первой

¹ Черникова Л.Ф. Мастерство публичного выступления : учеб. пособие. – Симферополь : ИП Тимченко Т.В, 2020. – 238 с.

фразы. Частая ошибка выступающих в том, что они не делают вступления или же сокращают его до минимума. Например, «Здравствуйте, уважаемые слушатели! Тема моего выступления (доклада)...» и сразу же идет изложение темы выступления. А ведь можно профессионально подойти к изложению доклада. Например, «Друзья, коллеги! Тема, с которой я хочу выступить, идея пришла ко мне не случайно. В течение многих лет (или продолжительного времени) меня волновал вопрос, связанный...» и т.д. Вы, таким образом, настраивает слушателей на нужную волну, вы вовлекаете их в процесс слушания. Вступление подготавливает, интригует, «подогревает» слушателей. Выступающий подтверждает право, в течение определенного времени удерживать внимание аудитории. Это важный момент – заинтересовать слушателей. Вступление должно быть коротким и четким, как афиша. Существует множество видов вступления.

Основная часть выступления – наиболее продолжительная, ее цель – подача информации, последовательно разъяснить выдвинутые положения и подвести слушателей к необходимым выводам. Начинайте речь с сильным и настойчивым стремлением достичь своей цели. Проявляйте уверенность. Начинайте говорить так уверенно, как будто они все вам должны деньги. Важно соблюдать основное правило построения – это логическая последовательность и стройность изложения. Желательно, по ходу доклада использовать презентацию, где могут быть представлены схемы, графики, цифры, которые помогут зрительно закрепить необходимую информацию. В ходе выступления оратор может обратиться к аудитории с каким-либо вопросом, просьбой, что-то назвать или подсчитать – это поможет присутствующим сконцентрировать свое внимание на обсуждении темы и значительно повысит эффективность восприятия материала докладчика. Для того, чтобы расположить к себе слушателей, увлечь их темой выступления, можно использовать такие приемы, как интересный или необычно поданный факт, оригинальную цитату, наглядный пример, шутку и т.д. Такие приемы оживят публику, особенно, в ходе затянувшегося выступления, это внесет некий заряд или, как говорят «откроет второе дыхание» несколько уставшим слушателям. Стоит обратить внимание на паузы в речи и употреблять их в случае надобности, к тому же они могут быть выразительными и значимыми. Особенно это касается пауз хезитации – пауз обдумывания и размышления.

Во всем ораторском искусстве нет ничего более сложного и более редкого, чем умение заставить смеяться слушателей. Если вы обладаете редким даром юмора, то вас будут слушать в три раза лучше, где бы вы не выступали. Следует обращать внимание на заданные вопросы аудитории и умело, профессионально отвечать на них. Не стоит игнорировать просьбы аудитории. Перед слушателями с высоким уровнем профессиональной или научной подготовки нельзя выступать, если нет новых взглядов, подходов к решению проблемы, нежелательно допускать повторы, тривиальные суждения, демонстрировать свое превосходство, злоупотреблять цитатами, цифрами, уклоняться от сути проблемы. Понятное дело, что большим количеством слушателей сложнее управлять. Чем больше аудитория, тем проще, нагляднее, образнее следует говорить. Наверное, в этом заключается

ораторское мастерство, поскольку в речи имеется нечто, помимо слов, и это нечто имеет значение. Дело не столько в том, ЧТО вы говорите, сколько в том, КАК вы это говорите. Хорошее выступление – это, прежде всего разговорный тон и непосредственность. Вносите в выступление свою индивидуальность и свойственную вам манеру. Не подражайте другим. Ваша речь, ваше выступление – это авторское исполнение. Необходимо в каждое выступление вкладывать душу, эмоциональную искренность – это оценят все, кто слушает вас. Принимайте зал таким, каков он есть. Ваша задача – заинтересовать слушателей, убедить их в важности ваших мыслей и слов. Если вы заинтересованы в ваших слушателях, то можно полагать, что они также заинтересуются вами. С той минуты, когда перед вами появились слушатели, во всем Космосе вы должны остаться одни. Причем слушатели – в центре.

Любая речь должна стать замкнутым контуром между оратором и слушателями. Оратор управляет публикой через слово, и реакция слушателей должна носить характер постоянной обратной связи. Задача оратора – говорить так, чтобы этот замкнутый контур нигде не порвался. Слово должно быть интересным. Необходимо овладеть вниманием слушателей и все время его поддерживать. Подготовка к выступлению – это серьезная работа, требующая времени. Нельзя сесть и в течение 30-ти минут подготовить речь. Нельзя «испечь» речь по заказу, как пирог. Речь должна выречь, речь нужно «выносить» и обдумать. Подлинная подготовка состоит в том, чтобы извлечь из себя, подобрать и скомпоновать собственные мысли, выработать и оформить собственные убеждения.

Заключительная часть является самым стратегически важным элементом.

То, что сказано в конце, слушатели, скорее всего, будут дольше помнить.

Существует множество вариантов финальной речи. Можно резюмировать, вновь повторить и кратко изложить основные положения, которые вы затрагивали в своем выступлении. Кстати, к такому варианту концовки выступления многие ораторы прибегают довольно часто. Можно процитировать подходящие поэтические строки, использовать цитаты, сделать слушателям подходящий комплимент, а можно ответить на вопросы, интересующие слушателей, наконец, можно привести интересные исторические факты и явления в современной интерпретации¹.

Стоит обратить пристальное внимание на культуру речи оратора. Неграмотная речь может «подорвать авторитет» оратора. Речь человека в обществе – это не только труд, но и множество встреч, выступлений, диалогов, контактов. В ходе выступления необходимо следить за нормами современного русского литературного языка, который составляет высшую форму национального языка. Часто можно слышать нарушение акцентологических норм. Неправильно поставленное ударение в слове «режет» слух. Неточно

¹ Черникова Л.Ф. Основы деловой коммуникации : учеб.-метод. пособ. – 2-е изд. – Симферополь : ИП Тимченко Т.В., 2020. – 234 с.

выражают мысль высказывания, засоренные лишними, так называемыми «любимыми» словами и словосочетаниями: *ну, значит, в общем-то, так сказать, как говорится, в конечном итоге* и др. Речь должна быть чистой, правильной, лаконичной. Речь должна звучать, как песня. Обращайтесь к изобразительно – выразительным средствам языка¹.

Говоря, например, о таком речевом изъяне, как многословие, можно сказать, что это неумение оратора сформулировать свои мысли кратко и ясно, где заметны отступления от темы, замена точных формулировок мало значащими фразами, неправильное склонение числительных, нарушение логической последовательности и т.д.²

Следует помнить, что публику притягивает обаяние лектора, его имидж, модель поведения. Своим внешним видом мы даем информацию окружающим о себе и, конечно же, рассчитываем на какие-то свои определенные цели. Для каждого человека важно, как он выглядит в глазах окружающих. Быть обаятельным – это постоянная работа над собой. Умение всегда быть в хорошей форме – требует огромного желания, времени, немалой силы воли. Каждый осваивает те модели, которые приносят ему успех. Исследователи утверждают, что 90 % производимого впечатления зависит от того, как человек выглядит и «звучит».

Вся профессиональная деятельность юриста осуществляется в результате взаимодействия с другими людьми. Профессия юриста предполагает обширную речевую практику, необходимость использования точных словесных выражений правовых понятий. Чтобы эффективно, с максимальной пользой участвовать в межличностных отношениях, плодотворно вести диалог, необходимо обладать стратегией и тактикой речевого коммуникативного процесса. Речевой коммуникативный процесс в юридической практике – это обмен информацией в профессиональной деятельности юриста, целью которого является обеспечение понимания передаваемой и получаемой информации.

Профессиональное осуществление любой формы речевой юридической коммуникации – консультации или допроса, судебных прений или переговоров – требует, кроме специальной подготовки, овладения стратегическими и тактическими навыками. Речевая коммуникация в юридической практике может одновременно решать разные задачи: обмен информацией и демонстрация отношения друг к другу, взаимное влияние и взаимное понимание, продуктивное сотрудничество, стремление к сближению целей, улучшение партнерских отношений³.

Таким образом, стратегия речевой коммуникации юриста охватывает всю сферу построения процесса речевого общения в юридической практике

¹ Панченко С.В. Русский язык и культура речи для юристов : учеб. пособие для академического бакалавриата / С.В. Панченко [и др.]. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 230 с.

² Самсонов Н.Б. Русский язык и культура речи : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 383 с.

³ Тарланов З.К. Юридическая лингвистика : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 180 с.

и включает в себя ориентировку в ситуации общения, планирование речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий коммуникации и личности собеседника. Цель речевой юридической коммуникации – предвидимый результат социально-речевого взаимодействия, на достижение которого направлены усилия сторон. Многообразие форм речевой юридической коммуникации определяет различные стратегии.

Юристу необходимы владение стратегиями и тактиками речевого коммуникативного процесса. Все это входит в его коммуникативную компетентность и чем более он компетентен в познании процесса речевой юридической коммуникации, в применении правил речевой коммуникации, тем многообразнее его стратегии и тактики, тем успешнее он добивается своих целей¹.

Основным средством профессиональной юридической деятельности по-прежнему является слово. Труд юристов большинства специальностей связан с постоянным общением. Поэтому коммуникативная функция, которая состоит в общении в условиях правового регулирования, является одной из главных сторон деятельности юриста. Деловое (речевое) общение требует более строгого отношения к использованию его участниками речевых средств. Чтобы преуспеть в искусстве воздействия на людей, необходимо развивать такой сильнодействующий стимулятор формирования имиджа, как речь, с её авторитетной силой и могуществом...

Ястребова Оксана Ивановна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

ЯЗЫК И ПЕРЕВОД В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

На международном уровне язык и перевод начинают играть роль, когда суверенные государства заключают между собой соглашения (макроуровень) или в контексте международной торговли, когда товары, услуги, капитал и люди пересекают национальные границы (микроуровень). На макроуровне международное право не может игнорировать проблему языка. Поскольку международные договоры являются основными письменными юридическими источниками международного права, решающее значение имеет язык, на котором они имеют обязательную силу. Государства, действующие на международном уровне, стремятся иметь свой официальный

¹ Голуб И.Б. Стилистика русского языка и культура речи : учебник для академического бакалавриата / И.Б. Голуб, С.Н. Стародубец. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 455 с.

язык (языки) в качестве аутентичного языка (языков) международных договоров. В этом отношении перевод играет важную роль как в официальном, так и в неофициальном контексте. Международные договоры обычно составляются на общепринятом языке, а затем переводятся на другие аутентичные языки. Поскольку юридическая ценность всех аутентичных текстов будет одинаковой, качество этих «переводов» должно быть бесспорным.

Существующие механизмы перевода международных документов подвергались критике со стороны многих, и были выдвинуты новые идеи для обеспечения того, чтобы этап перевода не был полностью отделен от этапа разработки соглашения. Проблемы, вызванные разными, но одинаково аутентичными языковыми версиями, также демонстрируют важность перевода. С другой стороны, нельзя недооценивать влияние неаутентичных переводов международных соглашений. В случаях, когда официальный язык договаривающейся стороны не входит в число аутентичных языков соглашения, неаутентичный перевод (обычно содержащийся в обнародованном законе договаривающейся стороны) будет основным источником информации, касающейся существа соглашения. Приближение перевода к составлению проекта, управление базами данных многоязычной терминологии, установление типовых соглашений с комментариями и предоставление соответствующей судебной практики на нескольких языках – все это методы, которые могут эффективно способствовать повышению качества переводов, но они могут остаться безрезультатными без обращения к языковой осведомленности составителей и переводчиков.

ЕС как субъект международного уровня также сталкивается с языковым режимом международных договоров. По сути, перевод международных соглашений – это не просто чисто техническое упражнение: терминология международных соглашений может оказать серьезное влияние на европейскую терминологию. Таким образом, очень часто перевод международных договоров предполагает и требует осознанного языкового выбора со стороны переводчиков и политиков¹.

Помимо вопроса об аутентичных языках и доступности международных договоров на разных языках, еще одним аспектом, заслуживающим изучения, является степень, в которой документы международного права касаются языковых прав. Языковые права прямо регулируются международным правом с начала 90-х годов, хотя в некоторых более ранних документах также были определенные положения, предоставляющие неявные права на использование языка (например, право на справедливое судебное разбирательство). Международное право предоставляет языковые права на разных уровнях и для разных целей. В некоторых документах языковые права рассматриваются как инструмент сохранения мира и безопасности; в других случаях использование родного языка призвано гарантировать

¹ Гуськова Т.И. Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский : учеб. пособие. – М., 2000. – 228 с.

справедливое обращение с людьми, в то время как сохранение языкового разнообразия также является целью, которой следует международное право. Эти цели включают защиту языковых меньшинств, но в то же время они порождают определенные языковые права, которые необходимы для осуществления классических основных прав: процессуальные гарантии, свобода выражения мнений и недискриминация¹.

Сам Европейский Союз полностью привержен сохранению и развитию многоязычия. С одной стороны, официальное многоязычие является логическим следствием его правового порядка, в котором законодательство ЕС может напрямую затрагивать отдельных лиц и, следовательно, должно быть доступно на их официальных языках. С другой стороны, многоязычие – это выражение «экологического» подхода к разнообразию. Более того, многоязычие отражает принцип subsidiarity: разделение компетенций между ЕС и его государствами-членами, подтверждающее, что ЕС не будет вмешиваться в области, которые подпадают под компетенцию государств-членов и которые они лучше всего могут регулировать. Однако ЕС в то же время стремится обеспечить бесперебойное функционирование внутреннего рынка, и эти две цели могут в определенных случаях противоречить друг другу. Расширение внутреннего рынка может увеличить потребность в переводе, в то время как снижение языковых барьеров в торговле может ослабить языковое разнообразие (ограниченные языковые режимы в случае товарных знаков, стандартов) не говоря уже об ослаблении защиты индивидуальных свобод. Основная задача ЕС – найти тонкий баланс между этими одинаково важными целями. Бремя перевода в соответствии с этими положениями ложится либо на ЕС, либо на государства-члены, либо на участников рынка, в зависимости от соответствующего положения. Таким образом, перевод и язык проходят через всю экономическую цепочку, от макро до микроуровня.

Компетенция ЕС ограничена в области использования языков, что в соответствии с принципом subsidiarity, как правило, является предметом регулирования государств-членов. ЕС может вмешиваться и устанавливать правила на европейском уровне только в том случае, если это необходимо для функционирования внутреннего рынка и, таким образом, продиктовано некоторыми более важными целями: защита потребителей, здоровье и безопасность². Такие европейские положения, с одной стороны, устраняют языковые барьеры (для потребителей) и, с другой стороны, создают затраты на перевод (для бизнеса); однако они делают это ради более

¹ Гераскина Н.П. Basics of political translation from Russian into English: Обучение переводу с русского языка на английский общественно-политических материалов / Н.П. Гераскина, И.К. Кочеткова. – М., 2009. – 192 с.

² DERLÉN, Mattias: Multilingual interpretation of European Union law. Kluwer Law International, 2009.

высоких правил ранжирования. Таким образом, устранение языковых барьеров может привести к увеличению объема переводческой работы.

Природа и объем требований к переводу различаются. Некоторые положения прямо предусматривают использование официальных языков государств-членов (для лекарств), другие разрешают государствам-членам предвидеть языковые требования (например, в случае игрушек), а некоторые предписывают использование языка, который может быть «легко понятны» потребителям (для дистанционных контрактов)¹. Все эти требования выражают разные формы и уровни языковых прав. Эти противоречия между экономической эффективностью и языковым разнообразием иллюстрируются двумя тематическими исследованиями. Как вопрос маркировки, так и вопрос патентов должен быть решен с помощью международных инструментов, а также европейского законодательства. Маркировка была изучена в свете системы ВТО и соответствующего законодательства ЕС, как в первичном, так и во вторичном праве.

Исторически сложилось так, что и режим ВТО, и ЕС ориентировались на интересы производителей при экспорте товаров. Защита интересов потребителей была переведена в существующие правовые рамки только на более позднем этапе развития. Языковые требования к маркировке, предъявляемые государствами импорта, направлены, по крайней мере, частично, на защиту потребителей. С точки зрения прав человека и экономических прав требования к маркировке, связанной с языком, фактически предоставляют потребителям право получать определенную информацию на их родном языке². Соображения по защите прав потребителей признаются в обеих системах как законный интерес, что увеличивает количество ситуаций, когда необходим перевод этикеток. Хотя Соглашения ВТО прямо не касаются требований к маркировке, на практике этот вопрос нельзя игнорировать в соответствии с положениями Соглашения о технических регламентах, которые, как представляется, допускают требования к маркировке. В рамках законодательства ЕС требования к лингвистической маркировке считаются мерами, эквивалентными количественным ограничениям. Однако такие меры могут быть оправданы соображениями защиты потребителей, изложенными в прецедентной практике Суда. Более того, вторичные правовые источники – постановления и директивы – содержат различные требования, касающиеся маркировки. Они предъявляют различные языковые требования. Некоторые требуют только использования языка, понятного в соответствующем государстве-члене (включая символы или знакомые выражения), в то время как

¹ Домбровская И.В. Лексические трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский : учеб.-метод. пособие по англ. яз. – Воронеж, 2003. – 31 с.

² Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian : учеб. пособие. – СПб. : Союз, 2005. – 320 с.

другие разрешают или даже накладывают на государства-члены обязательство требовать использования языка места продажи на этикетках продукции. Правила маркировки ЕС демонстрируют развитие постепенного (основанного на оценке риска), более комплексного подхода к влиянию языка и перевода на экономические операции.

Язык играет решающую роль в международном контексте. Он имеет символическое значение для государств, выражает культурную самобытность языковых групп и очень важен для людей, чтобы понимать себя как в экономических операциях, так и в судебных процессах. Язык и перевод также считаются очень важными элементами в международных сделках, где они будут вызывать положительные или отрицательные внешние эффекты в зависимости от статуса, который им присвоен¹. Государства, действующие самостоятельно или на международном уровне, должны сформулировать политику управления языковыми вопросами. Есть все признаки того, что статус и влияние языка и перевода в глобализированной правовой среде в значительной степени не определены и заслуживают тщательного изучения. Результаты этого исследования ясно доказывают, что хрупкое равновесие, найденное в равном обращении с языками, связано не столько с национальными особенностями, сколько с более широкими целями, такими как конкурентоспособность, социальная инклюзивность, безопасность и экономическая эффективность.

¹ Данилина А.Е. Учись читать и обсуждать прессу на английском языке / А.Е. Данилина, Н.Р. Коробцева, Е.В. Толубеев. – М., 2009. – 304 с.

**Материалы VIII Всероссийской
научно-практической online-конференции
«Современные направления, проблемы
и перспективы развития юридической лингвистики
в социокультурном пространстве»**

*Алымова Екатерина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общих гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Астраханский филиал ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»,
судебный эксперт-лингвист,
г. Астрахань*

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОТОКОЛОВ
ДОПРОСОВ В ТАКТИКЕ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ**

В последние годы адвокатское сообщество все чаще обращается к специальным лингвистическим знаниям при выстраивании тактики защиты. Чаще всего познания эксперта-лингвиста востребованы в делах об оскорблении и клевете, когда специалист определяет наличие в высказываниях неприличной лексики или слов, выраженных в иной противоречащей нормам морали и нравственности форме. При этом границы этой формы до сих пор однозначно не установлены. Востребованы и познания в области лингвистики при установлении смысла того или иного положения договора, когда стороны не могут прийти к одинаковому его толкованию.

Вместе с тем все большее распространение начинают приобретать вопросы выявления в показаниях допрашиваемых, как устных, так и письменных, признаков искажения сообщаемой информации. И если при рассмотрении устной речи целесообразнее говорить не о лингвистическом, а о психолого-лингвистическом исследовании речевого поведения объекта, то в рамках изучения письменного источника информации лингвистическое исследование сможет дать полноценный ответ на вопрос о наличии или отсутствии искажения.

Существует несколько методик, которые позволяют определить признаки искажения сообщаемой информации человеком, дающим показания. Среди них основная – это Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения

сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий)¹. Она хоть и подвергается постоянно критике, вместе с тем при правильном и всеобъемлющем ее применении она позволяет дать объективный ответ на вопрос о наличии признаков искажения сообщаемой информации.

Но в данной статье мы обратим внимание на искажение сообщаемой информации в протоколах допросов. Причем на ту сторону данной проблемы, которая часто остается незамеченной.

Отмечается растущая динамика выявления в протоколах допросов признаков искажения фиксируемой информации, т.е. речевых сообщений, прошедших через составителя протокола.

Лингвистическая экспертиза обладает широким арсеналом методов исследования письменных источников речевой информации². В рамках исследования протоколов допросов эксперт-лингвист может провести исследование по трем основным направлениям.

1. Эксперт-лингвист может определить, является ли автором зафиксированных показаний определенный человек. Зачастую допрашиваемый, поняв, что его показания теперь ему же самому «мешают», начинает отказываться от сказанного и зафиксированного ранее, ссылаясь на то, что не говорил этого, а протокол подписал, не читая или под давлением. При этом аргументом защитника становится как раз автороведческая экспертиза, которая говорит о том, что его доверителю не присущ подобный речевой паттерн и подобные мыслеформы.

Любой текст как устный, так и письменный, характеризуется набором признаков, отражающих творческий характер труда автора и индивидуализирующих сам этот текст.

При создании текста протокола часть индивидуализирующих признаков, присутствующих в устной речи допрашиваемого, сохраняется, наследуется производным письменным текстом. То есть в тексте допроса проявляется определенная совокупность признаков, являющихся индивидуализирующими для речи допрашиваемого.

В УПК РФ³ дается достаточно подробное описание процедуры составления протоколов допроса и формы фиксации сведений. В п. 2 ст. 190 УПК

¹ Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев [и др.]; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 192 с.

² Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / Под ред. Ю.М. Дильдина; Общая ред. В.В. Мартынова. – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – Ч. I. – 568 с.

³ См.: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022). – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=al9wk1THPVEWJEhT&cacheid=A5E97D122C248E11F1BEF7D16183078A&mode=splus&rnd=qEWyYA&base=LAW&n=411079#MaAwk1TYJsHMTUOB> (дата обращения 21.05.2022).

РФ регламентируется порядок фиксации информации в протоколе допроса следующим образом: «2. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно...».

Сама формулировка предложения предписания «Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно» пресуппозитивно допускает определённую степень искажения речи допрашиваемого, что, естественно, продиктовано необходимостью обеспечения дальнейшей трансформации устной формы текста в письменную, адекватную для понимания и обработки на последующих этапах разбирательства по делу. Такая форма изложения позволяет нам говорить о возможности наличия в тексте описательной части индивидуально-авторских особенностей речи, что дает основания анализировать эту часть текста с точки зрения атрибуции, отвечая на поставленный перед экспертом вопрос об авторстве высказываний¹.

Проблема с атрибуцией возникает из-за того, что следователь стремится придать фиксируемому материалу более «протокольную» форму, заменяя обиходно-разговорную лексику на юридическую, придавая обрывочным высказываниям допрашиваемого законченный вид. В итоге на выходе формируется текст, в котором минимизируется авторство допрашиваемого, что дает возможность адвокату в суде заявлять ходатайство об исключении показаний из числа рассматриваемых доказательств. Подобное преобразование в протокольную форму часто можно встретить по делам о половой неприкосновенности несовершеннолетних, когда следователь фиксирует не собственно «детский» язык, а приводит сообщаемую речевую информацию в форму юридических знаний – например, вместо «водил мне туда-сюда» следователь фиксирует «совершал возвратно-поступательные движения».

При указании на подобные казусы следователи говорят о том, что частую речь допрашиваемого настолько неблагозвучна, обрывочна и бессвязна, что занесение ее в таком виде в протокол нарушает требования официально-делового стиля процессуального документа.

2. Эксперт-лингвист определяет, содержатся ли в показаниях одного и того же лица или нескольких лиц признаки искажения сообщаемой информации. Ответить на данный вопрос можно, не только исследуя речевое поведение допрашиваемого, зафиксированное на видео, но и анализируя информацию, которая уже прошла переработку лицом, составившим протокол допроса. Эксперт-лингвист в процессе сопоставительного анализа производит оценку речевых сообщений, допрошенных при их свободном

¹ Месропян Л.М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений / Л.М. Месропян; Под общей ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина // Процессуальные действия вербального характера: Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2016 года. – СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2017. – С. 116–127.

рассказе и ответах на вопросы следователя или защитника. Сопоставление информативно–смыслового содержания осуществляется экспертом-лингвистом следующим образом¹:

- а) сопоставление одноименных элементов события, одновременно описанных допрашиваемым в ходе допросов и дачи объяснения;
- б) сопоставление связанных между собой и производимых элементов события, освещаемого в процессе допроса;
- в) сопоставление одноименных и связанных между собой обстоятельств по показаниям допрашиваемого на разных допросах и в объяснении;
- г) сопоставление одних и тех же обстоятельств в показаниях допрашиваемого;
- д) сопоставление отдельных обстоятельств события в описании с иными данными о тех же обстоятельствах.

При этом для дифференциации исследуемого речевого материала все объяснения и показания, содержащие признаки искажения сообщаемой информации, структурируются по информативным блокам.

По итогам такого исследования эксперт-лингвист может сделать однозначный вывод об искажении самими допрашиваемыми информации, представленной в протоколах допросов.

3. Эксперт–лингвист может установить, имеются ли признаки искажения показаний лицом, проводившим допрос и составившим протокол. Работа по данному блоку является наиболее существенной в экспертной практике лингвистических исследований, поскольку за выводами по такому вопросу стоит последующее обвинение следователя в нарушении законодательства. Тем не менее опыт экспертной работы показывает, что такие случаи не являются редкостью. Самым распространенным примером является копирование показаний из объяснений в протоколы последующих допросов, из показаний одних свидетелей в показания других.

В ходе лингвистического анализа схожих процессуальных документов экспертом определяются лексические признаки письменной речи, являющиеся индивидуализирующими для исходного по временной хронологии текста. В случаях, когда установленный набор признаков позволяет утверждать, что совокупность выявленных случаев вхождения в Текст-2 элементов, индивидуализирующих Текст-1, не может носить характер случайного совпадения отдельных элементов текстов (установлена идентичность текстов на лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, орфографическом и синтаксическом уровнях), эксперт указывает на факт копирования показаний путем простых функций Ctrl C – Ctrl V на клавиатуре.

Подобные совпадения могут рассматриваться в рамках двух возможных вариантов:

¹ Гаврилова Н.И. Ошибки в свидетельских показаниях (Происхождение, выявление, устранение) : метод. пособие. – М. : Б.и., 1983. – 136 с.

1) попытки следователя исказить обстоятельства дела: когда нужно по каким-то причинам скрыть истинные показания допрашиваемого, обойти возможное появление противоречий, следователь копирует предыдущие, тем самым создавая иллюзию «одинаковости» сообщаемой информации допрашиваемым при последующих допросах;

2) экономия усилий следователя ввиду халатного отношения к расследуемому делу, ввиду экономии времени и т.д.

Оба из вышеперечисленных вариантов ведут к полному искажению сообщаемой допрашиваемым информации, а также к полной утрате информации о релевантных для уголовного дела обстоятельствах. Например, показания при очных ставках могли бы содержать какие-то важные противоречия, или наоборот, какие-то важные детали, которые могли бы быть объективно проверены следствием, и т.д.

Следует отметить, что выяснение того, почему следователь полностью скопировал показания в протоколах, почему протоколы являются абсолютно идентичными, равно как и установление факта того, были ли вообще проведены такие допросы, не входит в сферу лингвистического анализа.

При этом важно обратить внимание, что такой подход к расследованию дела, в основу доказательств которого ложится речевая информация, речевые сообщения, тем более в случае отсутствия каких-либо иных неречевых доказательств, полностью лишает стороны возможности их объективной оценки и использования. Речь, ее информативное наполнение индивидуально – малейшая деталь, малейшее уточнение, один-единственный речевой оборот могут полностью исказить смысл сообщаемой информации. Именно поэтому законодатель в УПК РФ закрепил условие максимально дословного воспроизведения показаний в протоколе и, тем более, не предусмотрел копирований и искажений!

Барсегян Каринэ Робертовна

старший преподаватель

кафедры языкознания и иностранных языков,

СКФ ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Краснодар

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И ПРАВА

Именно язык является самым важным средством хранения и передачи информации. В большинстве своем информация, которая распространяется в обществе, имеет исключительно языковую форму.

Язык является одним из основных средств общения между людьми, поскольку именно с помощью него они передают информацию другому человеку. Люди разных поколений постоянно конфликтуют друг с другом,

поэтому закон появился еще в древние времена. Таким образом, получается, что язык – это неотъемлемая часть общения.

Уголовные, гражданские, экономические и административные нарушения законов непосредственно зависят от юридических связей. Языковая единица, ее лингвистические характеристики исследуется в юридической лингвистике.

Юридическая лингвистика русского языка называется «языком права», а вопросы, рассматриваемые в юридической лингвистике – проблема языка в отношениях людей в судебном процессе, не только по законам, но также наряду с законами и нормативными актами.

Также могут быть разные типы юридических уведомлений. В этой особенности заключается еще одна особенность устной юридической коммуникации. При этом следует определиться с тем, соответствуют ли эти параметры требованиям разговорной речи и т.д., а затем провести специальное исследование по этому поводу.

Чаще всего в юридической практике говорят об особенностях текстов нормативно правовых актов, юридических стилях, характеризующих методы законодательной технологии.

При этом одни авторы используют понятие «языка права», а другие говорят о «языке права», а иные ссылаются на существование «специального (юридического), языка».

В некоторых случаях говорят об особенностях языка законодательства. Кроме того, все эти слова имеют право на жизнь и могут (и действительно играют) свое место в отражении особенностей организации и стилистической структуры текста, соответствующих юридических документов.

И это целая система слов и словосочетаний (включая термины и понятия), то есть правового режима, в котором закон действует во всех формах.

Сюда относятся официальные языки правовых актов, которые тесно примыкают непосредственно к ним, отдельные акты юридических слов, доктринальный юридический язык, а также другие документы юридического характера.

Второй термин – это язык права (язык нормативных правовых актов) – совокупность лексических, синтаксических и стилистических средств, с помощью которых формируется текст закона или иного нормативного правового акта.

Это глоссарий нормативных правовых актов (таких как законы) и официальных законов. Поэтому термин «язык закона» или «язык законодательства» должен прояснить специфику правового словаря этой части нормативного массива.

Язык права, как сказано, тесно связывается с языком отдельных действий. Его терминология хоть и индивидуальна, однако относительна, потому что, как известно, акты принуждения совершаются на основе нормативно-правовых норм, которые регулируют отношения между людьми, а также лексическая система здесь становится индивидуальной.

Но в большинстве случаев простые люди считают, что главная задача адвоката – это умение максимально точно и ясно изложить все сложные понятия, которые не могут быть даны простым людям. Чем больше он говорит,

тем лучше становится адвокатом. На самом деле хороший адвокат говорит ясно, чётко и лаконично.

Каждое дело адвоката, которое заключается в использовании языка, включает в себе использование языка. Если в процессе судебного разбирательства, составления документов, предоставления письменных и устных рекомендаций – адвокат должен уметь выразить свои мысли словами.

К сожалению, в наше время очень часто приходится сталкиваться с тем, что адвокат должен быть достаточно простым и понятным для клиента языком. А что понимается под простым языком права? При помощи профессионалов простой язык является основой юридической речи, которая имеет четкую и эффективную направленность к целевой аудитории.

Описан общий вид текста и его текстовая информация. Теперь перейдем к анализу права как текста. Общественная практика содержит множество текстов юридических документов, которые содержат юридическую информацию. Они имеют разную цель и функцию. В то же время основными языковыми средствами выражения права как регулятора связей с ответственностью являются юридические документы.

Законодатели должны иметь возможность донести до населения закон или устав в простой и понятной форме. В тексте закона необходимо использовать как можно более простые слова, термин и фразу, которые широко используются в повседневном обиходе и понятны большинству участников правоотношения.

***Басенко Иван Михайлович**
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар*

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Постоянное совершенствование и развитие правовых отношений и юридической системы России в целом, в современных условиях требует повышенного внимания исследователей к изучению лингвокультурных особенностей юридического дискурса.

Точность изложения, объективность, конкретность, сухость информации, лаконичность высказываний, присущие всей правовой коммуникации, достигаются применением юридической терминологии, огромный пласт которой, ввиду отсутствия эквивалентов или самого явления в русском языке, представляет собой разнообразные заимствования, в первую очередь, из греческого, латинского, французского и английского языков.

Процесс интернационализации лексики характерен для многих языков мира. По мнению многих ученых, в английском языке, доля

заимствований составляет почти 70 %. В современной английской юридической практике, например, применяется множество латинских (*writ of habeas corpus* – право неприкосновенности личности; *action in rem* – право владения вещью; *constitution* – конституция) и французских заимствований (*affirmation in lieu of oath* – заявление, равносильное присяге; *force majeure* – обстоятельства непреодолимой силы; *vis-à-vis* – относительно чего-либо).

Для русского языка также характерны межязыковые взаимодействия, с появлением заимствований и широким применением иностранных слов по всем направлениям, в том числе в законотворчестве и правоприменительной практике. Связано это с богатым историческим опытом, с межкультурной коммуникацией и необходимостью актуальной номинации новых юридических аспектов.

Иностранные заимствования позволяют укрепить и расширить словарный запас, способствуя развитию языка-реципиента. В современных условиях, большая часть иностранной лексики привносится в русский язык из английского языка.

По мнению Л.Е. Поповой, среди участников юридического дискурса выделяют, в первую очередь, государство, которое играет большую роль в регулировании отношений между субъектами права. Помимо государства, участником юридического дискурса можно назвать каждого гражданина, как субъекта юридической коммуникации.

Процесс появления английских лексических заимствований является одним из сложнейших и актуальнейших вопросов современной лингвистики. Анализ языкового и речевого применения заимствованных английских языковых единиц или англицизмов субъектами юридической деятельности позволяет описать причины появления и особенности функционирования англоязычной лексики в этой сфере.

Под англицизмами мы понимаем заимствование лексической единицы, словосочетания, идиомы или фразеологизма из английского языка в русский, ставшие частью нашей лексики. Для англицизмов характерно, хотя и не обязательно, наличие окончания -инг, -ing (*crowdfunding* – краудфандинг; *leasing* – лизинг; *trekking* – трекинг) или суффиксов, таких как -мент (-ment), -ер (-er), -ист (-ist), -ор (-or) (*freelancer* – фрилансер; *killer* – киллер; *solicitor* – солиситор). При этом, некоторые англицизмы адаптируются к грамматическим и словообразовательным правилам русского языка, некоторые появляются путем транскрибирования (*beneficiary* – бенефициар, выгодоприобретатель), транслитерации (*acclamation* – аккламация, используемый в международных организациях метод принятия решений аплодисментами без голосования) или калькирования (*qualified majority* – квалифицированное большинство), а некоторая часть заимствованных слов остается в своем оригинальном состоянии.

Выделяют следующие способы заимствований английских слов:

1. Прямые заимствования. Слова звучат одинаково в английском и русском языках (*case* – кейс; *computer* – компьютер; *racketeer* – рэкетир).

2. Экзотизмы. Слова, обозначающие ранее не существовавшие в русском языке понятия и явления (*iPhone* – айфон; *verdict* – вердикт; *juvenile justice* – ювенальная юстиция).

3. Гибридные заимствования. Лексика, меняющая свою грамматику и морфологию под правила русского языка, часто путем присоединения к английскому корню русского суффикса (check in – зачекиниться, отметить; nomination – номинация, назначение; ask – аскать, просить).

4. Жаргонизмы. Заимствованная терминология, сохраняющая прагматическую направленность, что обеспечивает эффективную профессиональную коммуникацию отдельных социальных групп (factoring – факторинг; consignment – коносамент; kidnapping – киднепинг).

5. Варваризмы. Неологизмы, выражающие новые понятия или иноязычные вкрапления английских устойчивых фраз, добавленные в русский язык без выраженной необходимости (сорри, от англ. sorry, извините; де факто – de facto, фактически, де юре – de jure, юридически).

6. Аббревиатуры. Англицизмы, обозначающие многочисленные международные организации, появляются в русском языке в виде калькирования, транскрибирования, транслитерации или дословного перевода (UNESCO – ЮНЕСКО; UNICEF – ЮНИСЕФ; ICAO – ИКАО).

Юридическая деятельность, во всем своем многообразии (правоприменительная, правоохранительная, социально-экономическая, общественно-политическая), в стремлении к наиболее полной точности и аутентичности, подвержена влиянию процесса заимствования лексики. Не смотря на то, что практически вся юридическая терминология в русском языке (как и в английском и во многих других языках мира) латинского происхождения, основанная на нормах римского права, например, само слово юриспруденция, от латинского Jurisprudentia, наука права и многие другие заимствованные слова, такие, как презумпция – praesumptio, процесс – processus, адвокат – advocatus, современный российский юридический дискурс подвержен влиянию английских и американских англицизмов (tender – тендер; rent – арендная плата; delict – деликт, правонарушение; broker – посредник; trustor – доверитель).

Международная юридическая практика, развитие международного сотрудничества и межкультурной коммуникации, проводимые, в основном, на английском языке, способствуют активному появлению новых и дальнейшему развитию уже заимствованных англицизмов, равно как и вынуждает отечественных юристов изучать и использовать данную лексику в своей работе, тем самым, еще более закрепляя новую терминологию в русском языке.

Вместе с уже устоявшимися юридическими англицизмами, ассимилированными в русском языке, например, детектив от английского detective; эксперт – expert; декларант – declarant; жюри – Jury; лицензиар – licensor; верификатор – verifier; фидуциарий, доверенное лицо – fiduciary, отмечается регулярное появление заимствованной лексики, выражающей ранее не существовавших в русском юридическом языке понятий, например, англицизмы: фелония, тяжкое преступление – felony, юридический комплаенс, отслеживание рисков и контроль за соблюдением законности в компаниях – legal compliance или индемнитет, возмещение убытков – indemnity, от латинского indemnitas – безущербный.

Английские заимствования юридической лексики выполняют в русском языке множество функций: номинативные, к которым можно отнести информативную, терминологическую и заместительную; прагматические функции, к которым относятся экспрессивная, оценочная, социально-маркирующая и многие другие.

Иноязычные термины достаточно важны для актуализации словарного запаса современного юриста. Применение юридических англицизмов является отражением речевых компетенций, осведомленности, интеллектуальности и высокого мастерства авторов юридического дискурса.

Гарбовская Надежда Брониславовна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры языкознания и иностранных языков,

СКФ ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Краснодар

Землякова Нинель Владимировна

доцент, кандидат филологических наук,

доцент кафедры языкознания и иностранных языков,

СКФ ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Краснодар

Черникова Лидия Федоровна

доктор филологических наук,

*профессор кафедры гуманитарных
социально-экономических дисциплин,*

Крымский филиал Российского

государственного университета правосудия,

г. Симферополь, Россия

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ЮРИСТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время в нашей стране продолжает активизироваться повышенное внимание филологов и юристов к языку права и юриспруденции в целом. Правовед постоянно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, их необходимо объективно оценивать, быстро и верно реагировать в спорных ситуациях, убеждать в правильности своей точки зрения, обращающихся к нему граждан. Он выступает в различных коммуникативных ролях: ведёт деловую переписку, составляет протоколы допроса и осмотра места происшествия, исковые заявления, приговоры и определения, договоры и соглашения, претензии и жалобы.

Речевая культура юриста должна быть на высоком уровне: защитник закона не имеет права на ошибку и её исправление. «Трудно назвать какую-либо область общественной жизни, где неточность слова, разрыв между

мыслью и словом были бы чреватые такими иногда тяжёлыми последствиями, как в области права, – писал А.А. Ушаков. – Неточное слово в праве – большое социальное зло, оно создаёт почву для произвола и беззакония».

Вовсе неслучайно язык права стал объектом многочисленных наблюдений юристов, лингвистов и преподавателей вузов. На что же следует обратить и обращать внимание, совершенствую языковую грамотность студентов?

Нам, преподавателям вузов, необходимо воспитывать языковой вкус будущих юристов и развивать их коммуникативные навыки. С этой целью важно правильно организовать практическую деятельность студентов: посещать судебные процессы, анализировать речи адвокатов и прокуроров, изучать процессуальные акты. Следует помнить, что подготовка судебной речи – дело творческое, поэтому юрист должен быть грамотным, эрудированным человеком, многие считают, что достаточно хорошо знать только законы для ведения судебных дел, чтобы донести нужные мысли до сознания людей разного уровня образованности. На наш взгляд, следует уделить особое внимание обучению грамотной и выразительной речи студентов, поскольку из них вырастают будущие правоведа. Как добиться того, чтобы язык юридической документации был ясным и понятным всем, а качество составляемых сегодня текстов постановлений, защитительных и обвинительных речей отвечало нормам культуры речи? Мы предлагаем следующие пути решения данной проблемы, на которые необходимо обратить особое внимание в процессе обучения студентов:

1) организовать совместные консультации преподавателей и юристов-практиков по отдельным вопросам языка права, таким, как композиция процессуальных актов, оценочные структуры в тексте закона, клише в судебной монологической речи, полисемия в языке права;

2) проводить научно-практические конференции на тему развития языка права с приглашением судей и прокуроров;

3) рекомендовать студентам изучать практику речевого общения в судах, прокуратуре, следственных органах, при просмотре тематических телевизионных передач, выявлять типичные ошибки в устной и письменной речи юристов.

Сегодня особенно важно, чтобы студент юридического факультета после окончания вуза был компетентным, конкурентоспособным специалистом, умеющим работать с людьми, вести конструктивный диалог. В теории и практике преподавания русского языка и культуры речи коммуникативная компетенция характеризуется как способность и реальная готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию.

Задача вуза – на основе школьных знаний, умений и навыков, сформированных на образцах классической литературы, развить коммуникативную компетенцию специалиста. Именно поэтому преподаватель на занятиях должен стремиться к поиску новых, продуктивных форм, методов и приёмов обучения, направленных на развитие речемыслительных способностей студентов.

Студенты нашего вуза – это также будущие судьи, прокуроры, адвокаты, им регулярно придётся произносить публичные речи на судебных

процессах, поэтому их выступления должны быть максимально убедительны и построены так, чтобы привлечь внимание слушателей и убеждать их в правоте своих суждений. Именно поэтому на занятиях необходимо уделять внимание функционально-смысловым типам речи, особенно рассуждению. В нём указываются причины или следствия того или иного явления, положения, даётся объяснение какому-либо факту, сообщению, поступку, ситуации. Цель этого типа речи – доказать истинность какого-либо положения (тезиса), ведь его основу составляют факты и доказательства.

Студентам даётся классическая структура рассуждения:

1. Вступление. Сообщаются предварительные сведения о предмете рассуждения.

2. Основная часть:

- а) формирование основного тезиса;
- б) использование аргументов.

3. Вывод.

В процессе обучения необходимо, чтобы студенты осознали, что между тезисом и доказательством устанавливаются логические и грамматический связи. Рассуждение подразумевает крепкую логическую связь аргументов. В качестве грамматической связи часто используются вводные слова и конструкции (следовательно, таким образом, во-первых, и т.д.), союзы (потому что, в связи с тем, что, несмотря на, хотя и ..., и др.), сложно построенные предложения (с обособленными оборотами, различными типами союзной и бессоюзной связи).

Будущие юристы должны совершенствовать практику публичного выступления: опровергать выдвинутый оппонентом тезис, отстаивать свою точку зрения в дискуссиях.

На занятиях нужно обратить внимание на типичные ошибки в композиции текста рассуждения:

- 1) несоответствие частей композиции (затянутое выступление или заключение, малый объём основной части выступления);
- 2) недостаточная аргументация;
- 3) отсутствие какой-либо композиционной части;
- 4) неверная последовательность изложения.

Огромное значение имеет точность речи, правильность словообразования. Нередко специалистами в области юриспруденции нарушаются сочетания слов: «играть роль» и «иметь значение» (на «играть значение» и «иметь значение»). Часто смешиваются паронимы (слова, сходные по звучанию, но различные по смыслу): поступок и проступок, предоставить и представить, эффектно и эффективно, откровение и откровенность, вина и виновность, факт и фактор, командированный и командировочные и др. Много ошибок допускается также в выборе глаголов: сходить – выходить, одеть – надеть, ложить – класть, оплатить – отплатить и т.д.

Выступающим в судебных прениях следует быть внимательными при употреблении иностранных слов. Защитник закона должен быть уверен, что его поймут участники процесса. Иначе имеет смысл заменить иноязычное слово русским (лимитировать – ограничивать, ординарные – обыкновенные,

индифферентно – равнодушно, корректив – исправление, игнорировать – не замечать и др.).

Кроме того, неясность вызывает неправильное употребление слов. Например, вместо «на водителя налагаются взыскания – налаживаются; откладывают не «дело», а «разбирательство дела»; собственноручные показания не «дают», а «записывают». При неверном построении предложения очень трудно уловить смысл. Например, «При попытке скрыться подсудимые Свиридов и Петровский были задержаны с украденными вещами полицейскими».

Таким образом, правовед должен уметь:

- 1) верно употреблять нужные слова и использовать грамматические конструкции в каждом конкретном случае;
- 2) правильно произносить слова и расставлять ударения в них;
- 3) вести деловую беседу (следователь – адвокат);
- 4) обмениваться информацией (адвокат – обвиняемый);
- 5) вести дискуссию/полемику и адекватно участвовать в судебных прениях;
- 6) выступать на оперативных планёрках, совещаниях с отчётами, докладами, критическими замечаниями и предложениями;
- 7) соблюдать правила речевого этикета;
- 8) квалифицированно передавать информацию о предмете правового спора.

Чётко продуманная система работы по обучению студентов позволяет создавать взаимосвязь мышления, живой речи, развивать интеллект, творческие способности, воображение, формировать навыки самореализации личности. Пристальное внимание к языку Фемиды позволит будущим специалистам добавить к юридическим знаниям речевую грамотность и тем самым повысить профессиональный уровень.

Уважение, к слову, в том числе, есть показатель цивилизованного государства. Сегодня, как никогда, актуальны слова известного русского писателя К. Паустовского, который писал, что «по отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности».

Гарицьева Оксана Александровна

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры языкознания и иностранных языков,

СКФ ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Краснодар

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПРАВА

Даже при рассмотрении особенностей юридических текстов право занимает особое положение. Наиболее важной особенностью юридических текстов является их встраивание в профессиональную коммуникацию.

Язык права Германии имеет глубокое историческое прошлое. Однако, только в начале 70-х гг. XX было признано, что «язык права» – это отдельный профессиональный язык¹.

Использование слов общеупотребительного литературного языка с определенным терминологическим значением является, по мнению многих исследователей, характерным для языка права².

Для языка права характерны следующие признаки: терминологическая лексика, применение определенных синтаксических средств, компактный способ выражения и особые стилистические формы.

Основной особенностью немецкого юридического языка является абстракция. Поскольку одной из основных задач является изложение фактов и точное формулирование терминов (в основном существительных), чтобы к ним можно было применять законы, преобладает номинативный стиль, то есть субстантивированный стиль, который делает немецкий юридический язык жестким и «отрывистым» (например, «Zur Zulässigkeit einer solchen Bescheinigung muss...» – Для получения такой справки необходимо...). Возможно, что стремлением к краткости в языке права обусловлена такая тенденция к субстантивации.

С учетом принципов компактности языка права, прослеживается тенденция к образованию многокомпонентных субстантивов (die Verpflichtungsklage – иск об издании определенного административно-правового акта, der Bundesgerichtshof – федеральный Верховный суд), которые приводят к высокой содержательной концентрации и могут в некоторых случаях затруднять процесс понимания. Следует отметить, что образование сложных, многокомпонентных субстантивов является наиболее продуктивным способом создания лексических единиц в профессиональных языках немецкого языка, и в юридическом языке, в частности. Еще одним способом образования достаточно большого количества новых лексических единиц в языке права является деривация.

Однако, помимо субстантивации, также для языка права характерна и адъективация.

Также типичной особенностью является использование конструкций в пассивном залоге, как выражение безличного стиля. («Das Protokoll wurde den Erschienenen vorgelesen, von ihnen genehmigt und wie folgt unterschrieben.» – Протокол был зачитан и одобрен присутствующими и подписан следующим образом).

Многие авторы придерживаются мнения, что эта особенность, равно, как и употребление герундива, конструкций с различными формами причастий, вызвано стремлением к компактному изложению в языке права.

¹ Otto, Walter. Erwartungen an die Rechts – und Verwaltungssprache in der Zukunft, In: Muttersprache, 1982.

² Duve H. Die Verständigung zwischen dem Bürger und den Juristen kann verbessert werden / H. Duve, H. Weirich // Der öffentliche Sprachgebrauch. – Stuttgart, 1981. – Bd. 2. – P. 118; Stickel G. Zur Kultur der Rechtssprache // Mitteilungen 10: Aspekte der Sprachkultur. – Mannheim, 1984. – P. 47.

Еще одной особенностью немецкого юридического языка часто является множественное отрицание, из-за которого иногда трудно понять реальный смысл предложения.

Итак, отличительными признаками немецкого языка права являются правовая терминология и правовой стиль. Наиболее продуктивными способами создания лексических единиц в языке права субстантивация, адъективация, деривация.

Молчанова Светлана Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры,
РФ ФГБОУ ВО «РГУП»,
г. Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ КОННЕКТОРОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Юридические документы являются официально-деловыми документами, характеризующимися такими стилевыми качествами, как точность, объективность, стандартизованность. Данные качества оказывают существенное влияние на употребление дискурсивных коннекторов в данном виде дискурса.

Материалом для проведённого исследования послужили в основном тексты различного рода договоров и соглашений, а также законов и судебных постановлений. Результаты исследования показали, что дискурсивные коннекторы (единицы, общим значением которых является значение релятивности, оформляющие связь в тексте как минимум между двумя самостоятельными предложениями, выражающие содержание данной связи, передающие интенцию говорящего и его отношение к содержанию высказывания) в юридических документах по частотности употребления в значительной степени уступают коннекторам, функционирующим внутри предложения. Максимальная детализация описания приводит к использованию длинных сложноподчинённых предложений с большим числом придаточных, основными типами которых являются дополнительные, определительные, условия, реже – времени. Сложносочинённые предложения также характерны для рассматриваемого вида документов. Чаще всего внутри данных предложений выражаются отношения добавления и альтернативы.

Стандартизованность юридических документов проявляется в использовании в них определённого и существенно менее многочисленного, особенно по сравнению со стилем художественной прозы, набора дискурсивных коннекторов, которые обеспечивают преемственность правоприменения. Требование точности передачи информации подразумевает

недопустимость двусмысленности и неясности, что объясняет тот факт, что в рассматриваемом виде дискурса самыми высокочастотными дискурсивными коннекторами являются не типичные для художественного и публицистического стилей союзы *and* и *but*, которым свойственна многозначность, а союзные наречия, которым присуща однозначность и стилистическая нейтральность. В исследуемом типе документов употребляются только те дискурсивные коннекторы, которые передают то или иное отношение максимально эксплицитно.

В юридических документах встречаются следующие дискурсивные коннекторы: союзные наречия, некоторые типы наречий, союзы, устойчивые фразы, сочетания дискурсивных коннекторов. Официальность и безличность юридических документов исключает употребление в них таких дискурсивных коннекторов, как модальные слова и модальные фразы, а также междометия. Дискурсивные коннекторы в рассматриваемом виде дискурса выражают такие межсобытийные отношения, как: ограничение, следствие, добавление, причина, уточнение, последовательность.

Самыми разнообразными по номенклатуре и самыми часто употребляемыми дискурсивными коннекторами являются союзные наречия. Среди данных единиц значительно чаще других используется союзное наречие *however*, которое в данном виде дискурса в подавляющем большинстве случаев передаёт не характерное для него отношение уступки, а отношение ограничения, что объясняется тем, что одной из специфических черт юридических документов является наличие большого числа оговорок и ограничений. Например, *This Power of Attorney shall be valid for the period of two years from the date hereof. However, the Director reserves the right to revoke the powers given herein at any time at his discretion. Both Parties agree that they are obligated to uphold this exclusivity agreement in its entirety at all times. However, neither party shall be held liable for violations of this agreement caused by the following: vandalism, acts of God, acts of terrorism...* Цель оговорки – ограничить действие какого-либо положения договора.

Отношение ограничения-исключения может иногда выражаться союзом *but*. Например, *Corporations for constructing, maintaining and operating public utilities, whether in or outside this State, may be organized under this chapter. But corporations for constructing, maintaining and operating public utilities within the State shall be subject to, in addition to this chapter, the special provisions and requirement of Title 26 applicable to such corporations.*

Союз *unless*, который в других видах дискурса употребляется как союз, передающий отношение условия, в юридических документах может выражать отношение ограничения в оговорках к вышеизложенному положению. Например, *No person shall act as an agent of a foreign principal unless he/she has filed with the Attorney General a true and complete registration statement and supplements. Unless he/she is exempt from registration under the provisions of this Act.*

Отношение следствия, вытекающего из вышеизложенного положения, чаще всего эксплицируется посредством союзного наречия *therefore*.

Например: *The Seller and Buyer have expressed an interest to enter into an exclusivity agreement with regard to the following property... Therefore, for the interest of both parties involved and for the receipt and acknowledgement of this agreement, both parties agree to the following...* Рассматриваемое отношение могут также передавать союзные наречия hence, hereby и consequently. Например, *D... could foresee that his refusal to make the required payments would cause injury in Florida. Consequently, the district court's exercise of jurisdiction pursuant to Florida's long arm statute did not violate the Due Process Clause of the Fourteenth Amendment.* Сочетание дискурсивных коннекторов now therefore достаточно часто выражает отношение следствия. Например, *Whereas, the Pledger desires to provide the Pledgee with the collateral security in the form of shares listed in Addendum 1 hereto, and the pledge accepts such security as due and sufficient collateral for the purpose of the Loan. Now therefore in consideration of the mutual promises, covenants, representations and warranties set forth herein and the mutual benefits to be derived herefrom, the Parties hereby agree as follows...* Ещё одним дискурсивным коннектором, способным эксплицировать отношение следствия, является устойчивая фраза as a result. Например, *Another \$1.4 billion in relief was provided by refinancing 37,396 home loans with an average principal balance of \$210,398. As a result, each borrow will save about \$409 in interest payments each month.*

Отношение добавления в юридических документах в подавляющем большинстве случаев передают союзные наречия furthermore и further. Например, *Under the instance any provision in this agreement is found to be invalid or unenforceable all remaining provisions will remain in full effect. Furthermore, the parties will be allowed to come to an agreement and substitute the invalid provision with a similar enforceable term.* Данное отношение может также выражаться устойчивой фразой in addition и реже наречием additionally. Например, *The company may terminate this Agreement at any time by 10 working days' written notice to the Contractor. In addition, if the Contractor is convicted of any crime or offense... the Company at any time may terminate the engagement of the Contractor.* В очень редких случаях отношение добавления оформляется союзом and.

Отношение причины в юридических документах передаёт союз whereas, который данное отношение выражает только в этом виде дискурса. В подавляющем большинстве случаев он сочетается с таким дискурсивным коннектором, как now therefore. В сочетании друг с другом они способствуют чёткому выражению причинно-следственной связи в текстах различного рода договоров. Например: *Whereas, the parties are in the process of associating as the sole shareholders in a Company to be known as XYZ, Inc. Now therefore, in consideration of the mutual promises contained below, the parties agree as follows...*

Собственно наречие specifically используется для экспликации отношения уточнения. С его помощью конкретизируется то или иное положение юридического документа. Например: *Client agrees that Client may only use the Copy created by Copywriter for the limited purposes outlined by this*

Agreement. Specifically, the Copy may be used for the following purposes... В других видах дискурса данное наречие практически не встречается в функции дискурсивного коннектора уточнения. Указанное отношение в редких случаях может передавать наречие *rather*.

Временная последовательность в юридических документах выражается наречием *thereafter*. Подобное употребление характерно для данного наречия только в этом виде дискурса. Например, *This agreement shall commence on ... and continue until... as a leasehold. Thereafter it shall become a month-to-month tenancy.*

Союз *nor* встречается иногда в качестве дискурсивного коннектора со значением отрицательного добавления. Например, *In July 1997, the defendants were still entitled to reject because they had done nothing to affirm the contract. Nor were they deemed to have accepted the goods by failing to reject them within a reasonable time.*

Употребление дискурсивных коннекторов в юридических документах обладает рядом особенностей, которые обусловлены такими свойствами официальных текстов, как объективность, точность, стандартизированность. В данном виде дискурса номенклатура дискурсивных коннекторов намного менее разнообразна по сравнению с другими стилями. Количество межсобытийных отношений, которые они передают, также значительно меньше. Следует также отметить, что использование дискурсивных коннекторов зависит также от типа юридического документа. Так, наименее частотное и разнообразное употребление встречается в текстах различного рода договоров и соглашений.

Пилипенко Н.А.

кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО

«Российский государственный университет правосудия»,
г. Ростов-на-Дону

Саркисянц В.Р.

профессор, доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО

«Российский государственный университет правосудия»,
г. Ростов-на-Дону

ИМПЛИЦИТНЫЕ И ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На протяжении всей истории человечества для достижения личных, социальных и профессиональных целей люди используют словесную агрессию. Именно слово является подмножеством поведения, направленного на

одну цель, а целью каждого человеческого поведения является удовлетворение одной или нескольких своих внутренних потребностей.

С точки зрения современной лингвистики, политический дискурс – это материал изучения эффективности речевого воздействия на слушателя. Предвыборные дебаты, парламентские выступления, избирательные технологии и кампании являются фундаментальными концепциями политического дискурса и речевых манипуляций. Одним из механизмов речевого манипулирования в политическом дискурсе является механизм воздействия на устойчивые формы сознания. Речевая агрессия как имплицитная, так и эксплицитная становится менее эффективной, поскольку прямое давление оказывается менее эффективным, нежели скрытое. Это воздействие происходит, когда адресат может апеллировать к стереотипам слушателя. Поэтому речевые манипуляции создают определенные стереотипы и предпочтения, выгодные адресату¹.

В настоящей статье мы коснемся способов выражения манипуляции в политике, которая осуществляется в английском политическом речевом дискурсе. Тщательно подобранные языковые единицы, используемые политиками в публичных выступлениях, в сочетании с социальными факторами могут стать мощным инструментом управления общественным мнением, то есть манипулирования. Манипуляция становится неотъемлемой частью (в частности, для Запада) политического дискурса, все речевые стратегии которого направлены на одну цель: повлиять на получателя, убедить его или ее принять решение, которое будет выгодно политику. Существует множество примеров различных методов, тактик, средств и стратегий межпрофессионального общения в рамках прагмалингвистического подхода. Политический дискурс во имя демократии и свободы слова порой приобретает весьма резкий подтекст, особенно когда ставки для политиков высоки. Основными объектами оскорбительной лексики политиков являются их политические оппоненты, но иногда некоторые уязвимые категории людей также становятся получателями этой оскорбительной лексики. Ненавистнические высказывания в настоящее время стали неотъемлемой частью политического дискурса, несмотря на принятые законодательные меры и всеобщее осуждение, которое они получают. Глобальное присутствие ненавистнических высказываний в настоящее время неоспоримо несмотря на то, что они значительно огрубляют общественный дискурс и ослабляют социальную ткань стран. Еще большую сложность представляют ненавистнические высказывания появляются и демонстрируют упорство в политическом дискурсе несмотря на то, что одной из его задач является защита общества от разрушительного воздействия ненавистнических высказываний. Другими словами, разжигание ненависти стало основной политической чертой многих систем по всему миру, угрожающих демократическим ценностям,

¹ Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н.Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – К. : Глобус, 1983.

социальной стабильности и миру. Как следствие, это усугубило социальную и расовую напряженность и спровоцировало нападения с ужасными последствиями, в результате которых больше всего страдают мигранты, группы меньшинств и различные этнические группы, а также их защитники во многих странах.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что разжигание ненависти стало неотъемлемой частью современной политики. В этой связи рассмотреть ряд примеров риторического насилия, исходящего от нынешних политических деятелей, возглавляющих разные страны мира (Дональд Трамп, Борис Джонсон, Ким Чен Ын, Виктор Орбан, Реджеп Тайип Эрдоган), а также цели их разжигания ненависти (другие политики и мигранты, представители определенных этнических групп и т.д.).

Концепция демократических обществ, где гарантируется право на свободу слова, побуждает многих людей не только свободно высказывать свое мнение, но и открыто выражать ненависть к отдельному лицу или группе лиц на основе определенных характеристик, таких как раса, цвет кожи, религия, происхождение, национальное или этническое происхождение. Их конечная цель в использовании разжигающих ненависть высказываний - нанести вред, унижить, запугать, сделать жертвами целые группы, а также разжечь бесчувственность и жестокость по отношению к ним. Поскольку сторонники свободы слова очень громко заявляют о свободе слова как о жизненно важном компоненте демократии, иногда бывает трудно провести границу между разжиганием ненависти и свободой слова. Таким образом, в некоторых демократических обществах свобода слова явно преобладает, и, следовательно, ненавистнические высказывания, замаскированные под «свободу слова», распространяются относительно беспрепятственно (например, в США); в то время как в других (например, в России, ЕС) предпринимаются попытки предотвратить такое распространение путем введения и применения более строгих законов.

Несмотря на общие ожидания того, что политики должны полностью владеть своими эмоциями и проявлять крайнюю бдительность при публичных заявлениях, практика показывает, что во времена больших социальных, экономических и политических потрясений сами политики сознательно и совершенно очевидно «приправляют» свой собственный политический дискурс ненавистническими высказываниями. Сегодняшнее присутствие ненавистнических высказываний в сфере политического дискурса ни в коем случае не является прецедентом. Печально известные фашистские лидеры Гитлер и Муссолини в значительной степени полагались на ненавистнические высказывания в продвижении своей политической идеологии высшей расы, имеющей право стереть с лица Земли целую нацию (евреев) из-за их предполагаемых низших качеств. Следы их зверств все еще находятся в процессе заживления. Нынешние высокопоставленные политики, похоже, с готовностью игнорируют ценные уроки, извлеченные из бурного прошлого, и в последние десятилетия мы все являемся свидетелями того, как язык политики

становится все более и более жестоким. Понятно, что политики должны участвовать в жарких дебатах, пламенных и страстных обменах мнениями, учитывая тот факт, что они ответственны за принятия важных решений, которые могут повлиять на жизнь вовлеченных лиц. Но возникает вопрос, освобождают ли их обязанности и ответственность от обязанности использовать дипломатический, основанный на фактах и объективный политический дискурс, направленный на решение проблем и конфликтов, а не на их обострение. Исследование USAID за 2016 год указывает на несколько ключевых причин, по которым политики прибегают к использованию языка ненависти: чтобы очернить политических оппонентов, получить больше поддержки среди избирателей, разделяющих их взгляды, получить политическую власть, унижая других, привлечь внимание к проступкам политических оппонентов, маргинализировать группы на основе того что они разные, чтобы создать разногласия между этническими группами и отвлечь внимание от реальных социальных проблем. Учитывая высокое положение политиков в обществе и тот факт, что они обычно оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения в целом, неудивительно, что некоторые из их верных сторонников и последователей иногда интерпретируют ненавистнические послания политиков как откровенные призывы к агрессии и насилию. Анализ дискурса подразумевает рассмотрение соответствующих лингвистических, семантико-речевых, когнитивных и ментальных паттернов¹. Механизм противопоставления подразумевает языковые операции как часть коммуникативного акта, включая «закаленную» модель модальной оппозиции Исследовательское наблюдение и анализ были сосредоточены на типах и методах ментальных репрезентаций в газетном дискурсе, организации лингвистических и нелингвистических знаний на основе семантической оппозиции.

Политизированные газетные тексты рассматриваются с точки зрения различных ментальных схем (фреймы, сценарии, жанровые схемы), которые концептуализируют «мир» в анти- или пробольшевистских публикациях, включаются в сознание читателя как противоположные модели понимания и коммуникации². В то же время, оппозиционный дискурс в его материальном выражении – это выражение последовательных речевых актов, имеющих локальную и глобальную связь. В связи с этим интерес возникает не только к имплицитным процессам в языке, но и к механизмам возникновения, реализации, толкования. В таком плане мы отходим от формального описания, выдвигая на первый план объяснение. Только сместив акцент в диаде «описание-объяснение» на второй элемент возможно постичь причины

¹ Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке / В.Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Третья Международная конференция «Диалог 2003». – М. : Флинта-Наука, 2003. – С. 32–35.

² Чудинов А.П. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. – М. : Флинта, 2020. – 234 с. Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 284–290.

движения мысли в определенном направлении. Разумеется, в состоянии обоюдной коммуникативной гармонии, необходимость в столь сложных этапах отсутствует. В условиях коммуникативной неудачи актуальной становится экспланаторность, что зачастую является причиной коммуникативного конфликта, результатом которого является речевая агрессия. Об этом явлении уже упоминалось в работах А.Е. Кибрик¹, отмечалось, что лингвистика неумолимо двигается от описания структур к описанию процессов, а затем и созданию нового направления, которое Р.М. Фрумкина² афористично называет «лингвистика-почему», подчеркивая ценность объяснения, являющееся неотъемлемым компонентом понимания. Именно в установке на объяснение и состоит пафос когнитивной лингвистики. Следует отметить, что экспланаторность неотъемлемо связана с экспансионизмом, поскольку объяснительная стадия в науке предполагает обязательное вовлечение в свою орбиту смежных наук. В лингвистике экспансия заключается в активном использовании достижений ряда наук: социологии, психологии, культурологии, антропологии и пр., приводящем к закреплению акцента на стыке областей научного знания. Интегративность лингвистического знания является следствием действия научных принципов экспансионизма, экспланаторности, когнитивизма, поскольку «...понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из многосторонней деятельности человека и создаваемого им мира...»³.

Особенно актуально это в связи с неограниченными возможностями современного информационного пространства для выражения мысли. Как правило такая свобода представляет широкое поле для реализации реакции на какое-либо событие в социальной, политической или культурной жизни общества. Однако агрессия, эпатаж, одиозность привлекают большее количество зрителей, нежели спокойствие, смирение, вежливость.

История человечества доказывает, что агрессия не только является неотъемлемой частью жизни личности и общества, но обладает мощной притягательной силой и свойством заразительности. Сегодня речевая агрессия активно вторгается в политику, появляется на страницах газет и журналов, все чаще мелькает на телевидении, встраивается в семейные и межличностные отношения. Поэтому всестороннее изучение речевой агрессии является необходимым условием, обеспечивающим коммуникативную безопасность отдельной личности и общества в целом⁴.

¹ Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

² Фрумкина Р.М. Психоллингвистика : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Р.М. Фрумкина. – 5-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2014. – 336 с. – (Сер. Бакалавриат).

³ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 69.

⁴ Автаева Н.О. Язык вражды в современной российской прессе: гендерный аспект Речевая агрессия в современной культуре / Н.О. Автаева // Сборник научных трудов Челябинского государственного университета. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2005. – С. 59-65.

Природа человеческой агрессии, истинные причины ее возникновения и поиск путей ее преодоления всегда занимали умы человечества. Агрессия становится предметом исследования лингвистики, социологии, психологии, педагогики и других наук, изучающих деятельность и мышление человека. Более того, речевая агрессия в самом общем смысле находит свое место в рамках юриспруденции и закреплена законодательством. Так в 2014 году русскоязычная блогосфера окончательно вошла в правовое поле Российской Федерации. Федеральный Закон № 97-ФЗ от 05 мая 2014 года «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты...», также известный как «Закон о блогерах», обязал авторов интернет-ресурсов с аудиторией свыше 3000 пользователей в сутки регистрироваться в Роскомнадзоре и наложил ряд ограничений на пользование такими ресурсами. Это борьба против жестокости, насилия, против материалов, содержащих нецензурную брань, то есть речевую агрессию.

Ненавистнические высказывания и информационные беспорядки долгое время были оружием войны и факторами конфликта, которые использовались для создания и усиления чувства недоверия, отчуждения, страха и гнева по отношению к предполагаемым внешним и внутренним врагам и одновременно для объединения союзников. Их инструментальное использование и воздействие – под ярлыками пропаганды, информационной войны и психологической войны – были широко задокументированы и исследованы.

С методологической точки зрения огромное количество текстов и изображений, доступных через социальные сети, способствовало появлению новых способов понимания распространения ненавистнических сообщений и дезинформации в различных сообществах. Актуальным, на наш взгляд, является метод анализа взаимосвязи между текстом и контекстом (например, социально-политическим контекстом), а также того, как предыдущие тексты исторически связаны или воспроизводятся, то есть интертекстуальностью: как тексты связаны с другими текстами (прошлыми и настоящими), либо через явную ссылку на тему, либо на главного действующего лица; через ссылки на одни и те же события; посредством намеков или воскрешения, или путем переноса некоторых основных аргументов в новые контексты (т.е. реконтекстуализации)¹. Изучение террористических угроз показало, что не было выдвинуто никаких четких требований до начала взрывов и нападений с применением оружия. Все террористические группы руководствуются идеологией «справедливой войны» или «Джихада», поддерживаемой лидерами Аль-Каиды. Следовательно, структура угроз интертекстуально связана с угрозами, связанными с Аль-Каидой, и повторяет аналогичные угрозы Усамы бен Ладена. Например, в своей «декларации о джихаде против Соединенных Штатов и их союзников», включая «союзы

¹ Reisigl, M & Wodak, RE 2015, The discourse-historical approach (DHA). in R Wodak & M Meyer (eds), *Methods of critical discourse studies*. 3rd edn, *Introducing Qualitative Methods*, Sage. – London. – P. 23–61. – URL : <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/methods-of-critical-discourse-studies/book242185>

евреев, христиан и их агентов» в 1996 году, бен Ладен призвал мусульман всего мира «убивать американцев и их союзников, гражданских лиц и военных... и сражаться с язычниками все вместе... пока не прекратятся беспорядки или угнетение»¹.

Аналитики по терроризму считают, что эти кампании были разработаны для того, чтобы вызвать психологическую реакцию и донести сложные политические послания до глобальной аудитории, а также до конкретных групп населения в исламском мире, на Западе и в Азии, и эти «сообщения содержат сигналы, которые информируют и инструктируют оперативников готовиться и проводить новые атаки», делая таким образом сами кампании/сообщения потенциальными угрозами.

Неявная ненавистническая речь – это подкласс ненавистнических высказываний, определяемый использованием закодированных или косвенных выражений, таких как сарказм, метафора и окольные выражения, для унижения защищаемой группы или отдельного лица, или для передачи предвзятых и вредных взглядов на них. Академическая наука склонна рассматривать ненавистнические высказывания в отличие от других форм межличностного общения, как особый тип эмоционального выражения, который способен снижать эмпатию и вызывать конфликты в определенных условиях. Однако, несмотря на признание его уникальности и потенциального вреда, который он может нанести, определения разжигания ненависти и оценки причинно-следственных связей между разжиганием ненависти и конфликтом значительно различаются. Ненавистнические высказывания как концепция оспаривались как слишком широкие и открытые для манипуляций, а более узкие концепции, в том числе «опасная речь» и «речь страха», были выдвинуты, чтобы сосредоточиться на способности речи причинять вред и приводить к насильственным последствиям.

Многие европейские страны, включая Германию и Францию, приняли подход, запрещающий высказывания не только из-за их вероятности привести к причинению вреда, но также и за внутреннее содержание. Например, с принятием спорного Закона о защите *сему (NetzDG)* в Германии платформы социальных сетей обязаны удалять контент, подобный символам ненависти и уничижительным ссылкам на иммигрантов и другие уязвимые группы населения.

Лингвостилистический анализ текстов англоязычного ресурса «*Occupy Wall Street*» показал, что в таких текстах тенденция использования речевой агрессии гораздо ниже по сравнению с русскоязычными текстами. Почти все исследованные фрагменты можно отнести к скрытым способам выражения агрессии, среди которых наиболее часто встречаются не прямые оскорбления, косвенные осуждения и инвективные ярлыки. Открытая форма речевой агрессии, а именно форма призыва, встретила лишь в

¹ Чилува. – 2016. – С. 221. Чумиков А.Н. Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация / А.Н. Чумиков // Наука. Общество. Оборона. – 2021. – Т. 9. – № 3(28). – С. 22–22. – URL : <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-22-22>

одном из исследованных текстов. Что же касается средств речевой агрессии, то в англоязычных текстах можно выделить инвективные слова и номинации, слова и эпитеты с отрицательным семантическим значением. Кроме того, в текстах англоязычных авторов так же можно встретить использование прецедентного текста и авторских слов-окационализмов. Встречается также языковая игра, замена части слова с нейтральным значением на компонент с негативным значением.

На сегодняшний день речевая агрессия не только средство воздействия и управления, но преподносится как естественная форма поведения и эффективная поведенческая стратегия. Агрессивное речевое поведение неизбежно приводит к ответному конфликту, коммуникативному сбою, способному спровоцировать масштабные речевые конфликты, перерастающие в серьезные правонарушения. Уход же от речевой агрессии в политическом дискурсе предполагает не что иное, как широкое использование речевых манипуляций. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что общей для современного политического дискурса является коммуникативная стратегия манипулирования, поскольку она успешно решает задачи подразумеваемого навязывания мнения говорящего слушателю.

Пономаренко Вера Анатольевна
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ЮРИСТА

Успешное общение на иностранном языке в профессиональной сфере зависит не только от уровня владения языком и знания своей специальности, но также от умения использовать коммуникативные стратегии. Это особенно важно для юристов, чья речь должна быть содержательной, логичной, аргументированной, четкой и недвусмысленной.

Как отмечает Г.В. Кирова, «проблема коммуникативной компетентности современного юриста представляется крайне важной, прежде всего, с практической точки зрения, поскольку именно качественная коммуникативная подготовка предопределяет успех деятельности юриста любой специализации»¹.

¹ Кирова Г.В. О формировании коммуникативной компетенции будущих юристов / Г.В. Кирова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 2 (177). – С. 63.

Формирование и развитие коммуникативной компетенции на родном языке является результатом сложных процессов и практик. Формирование профессиональной иноязычной компетенции – еще более сложная задача. Что касается профессиональной иноязычной компетентности юриста, под ней понимается способность «решать задачи, отражающие специфику профессиональной деятельности, специфику языковых компетенций и отличия отечественного и зарубежного опыта в области юриспруденции»¹.

Компетентностный подход в теории в целом определяется как система организации учебного процесса, предполагающая достижения результатов в виде компетенций, ориентированных на решение профессиональных задач.

Понятие *компетенции*, предложенное Н. Хомским как способности личности к выполнению определенной деятельности на основе своего мышления и опыта, в дальнейшем стало основой для появления понятия *компетентности* как проявления компетенции, т.е. практического применения знаний, умений и навыков. Как подчеркивает А.Н. Щукин, современные авторы рассматривают компетенцию как «результат процесса образования», а компетентность – как «компетенцию в действии»².

Вопросы, связанные с формированием иноязычной компетентности, рассматриваются в работах таких лингвистов как Л.Ф. Бахман, И.А. Зимняя, И.И. Халеева, С.В. Макашова и другие.

Применение различных методик и техник в обучении иностранному языку исследуется многими лингвистами и педагогами, такими как И.Л. Бим, Е.И. Пассов, Г.А. Китайгородская, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. Вместе с тем, на наш взгляд, ещё недостаточно внимания уделяется рассмотрению принципов создания психолого-педагогических условий формирования профессиональной иноязычной компетентности.

Компетентностный подход в отечественной системе образования направлен на достижение двоякой цели: всесторонней подготовки специалиста и формирования социально зрелой личности. Это предполагает овладение совокупностью необходимых знаний, умений и навыков в профессиональной сфере, а также расширение кругозора, способности к самообучению, развитие творческого потенциала через деятельность, формирование активной гражданской позиции.

Так, например, в свете вышесказанного, И.А. Зимняя выделяет следующие основные компетенции:

- 1) «компетенции, относящиеся к человеку как личности, субъекту общения и деятельности»;
- 2) «компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы»;

¹ Глотова Ж.В. Формирование профессиональной иноязычной компетенции у студентов-юристов в процессе обучения : дис. ... канд. пед. наук. – Калининград, 2006. – С. 238.

² Щукин А.Н. Взгляд методиста на актуальную проблему лингводидактики / А.Н. Щукин // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 5. – С. 14.

3) «компетенции, относящиеся к деятельности человека»¹.

Преподавание иностранного языка в высшей школе должно быть направлено на подготовку будущих специалистов как к профессиональному, так и к культурному общению с иностранными коллегами. Поэтому овладение иностранным языком тесным образом связано с приобретением студентами юридических учебных заведений новых знаний в профессиональной области, а также в области культуры, истории, традиций других народов.

В процессе изучения иностранного языка студентам необходимо не только овладевать языковыми средствами, но знакомиться с историко-культурными реалиями, традициями и обычаями страны изучаемого языка, правилами социального поведения, этикетом общения в различных коммуникативных ситуациях. Таким образом, происходит параллельное приобретение культурологических знаний и формирование умения воспринимать ментальность носителей иного языка, их видение мира, отличное от нашего восприятия.

В нашем ВУЗе на протяжении нескольких лет проводятся регулярные встречи дискуссионного клуба English Discussion Club. Основной целью, которой мы руководствуемся при ведении встреч, является формирование и развитие коммуникативной компетенции в межкультурной коммуникации. Поэтому на занятиях клуба наши студенты посредством диалогической и монологической речи, а также через понимание оригинальных текстов и правильное восприятие речи собеседника (преподавателя, студента-сокурсника или приглашенного носителя языка) стараются освоить иностранный язык и изучить наиболее характерные особенности того или иного лингвокультурного сообщества.

Создание мотивации является одной из важных составляющих общения. Преподаватель должен учитывать психологические особенности группы и уметь «спровоцировать» желание студентов общаться, высказывать свое мнение. Без знания «материала», каким для организатора является как личность каждого студента, так и каждая группа, трудно рассчитывать на успех.

Другой важной составляющей организации общения является подбор тематики дискуссий. Предложенная тема должна быть интересной и актуальной для участников общения, как говорится, задевать их за живое. Создание атмосферы доброжелательности, доверительности, уважения к чужому мнению – ещё одно необходимое условие для продуктивного общения.

Заседания нашего клуба проводятся исключительно на английском языке. На наших встречах мы не используем русский язык в качестве помощника для полного понимания английских текстов и высказываний собственных мыслей и идей. Бесспорно, для многих студентов это представляет определенные трудности. Но члены клуба принимают это условие и стараются следовать ему.

¹ Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. Авторская версия. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.

Во время встреч члены клуба рассказывают о различных интересных фактах и важных событиях, происходящих в мире в целом, а также об общественных и государственных структурах других стран, акцентируя общее внимание на некоторых расхождениях и особенностях, присущих структурам различных государств.

Когда речь идет о будущей профессии студентов нашего ВУЗа, мы говорим об отличии правоохранительных и судебных органов нашей страны от подобных органов других стран. Мы обращаем внимание на определённые качества, присущие тем или иным представителям различных народов. Как подчеркивает О.Н. Сафонова, «поскольку обучение профессиональному английскому начинается на том этапе, когда студент уже обладает знаниями специальных дисциплин, хорошим стимулом общения на английском языке является апеллирование к его знаниям и опыту в профессиональной сфере»¹. При этом внимание студентов переключается на смысловое содержание материала, что способствует преодолению психологического барьера, который мешает многим, кто боится совершить ошибку при спонтанном говорении.

В работе руководителя любой студенческой группы, особое внимание уделяется психологическим аспектам, в том числе атмосфере, возникающей на подобных встречах, и особенностях взаимодействия участников группы. Большое значение в контексте развития личности будущего специалиста играет роль ведущего дискуссионного клуба: его влияние на процесс взаимодействия участников, эмпатия, доброжелательность, внимание к настроению каждого участника процесса. Немаловажным представляется способность преподавателя вовлекать в обсуждение предложенных тем студентов с различным уровнем знаний, навыков, умений.

Естественно, группа не является стабильной, её состав периодически меняется, а значит, происходит процесс адаптации, складываются новые взаимоотношения. На наш взгляд, данные обстоятельства также способствуют развитию личности нынешнего студента как будущего работника правоохранительных, надзорных и судебных органов.

Результаты работы нашего студенческого клуба показывают, что применение описанных коммуникативных технологий повышает мотивацию, усиливает интерес к изучению иностранного языка и способствует формированию у студентов эффективной иноязычной коммуникативной компетенции. Мы ожидаем, что применение нашего опыта проведения совместных внеаудиторных занятий, обучающихся по разным юридическим специальностям и направлениям подготовки окажет положительное воздействие на создание благоприятной атмосферы в студенческой среде и будет способствовать развитию общей коммуникативной компетенции будущих юристов.

¹ Сафонова О.Н. Коммуникативный подход в обучении профессиональному иностранному языку студентов технического вуза / О.Н. Сафонова // Актуальные вопросы языковедческих исследований. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Краснодар : КубГТУ, 2018. – С. 559.

Румянцева Ольга Олеговна
доцент кафедры русского языка и культуры речи,
кандидат искусствоведения,
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Москва

ЗНАКОМСТВО С ОСНОВАМИ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РГУП

Культура речи – важный профессиональный инструмент юриста. Этим и обусловлено внесение в учебные планы факультета непрерывного образования (ФНО) Российского государственного университета правосудия (РГУП) дисциплины «Русский язык и культура речи». Цель и задачи данного предмета тесно связаны с комплексом знаний, умений, навыков и компетенций, которыми должен овладеть будущий специалист: это и совершенствование способности к речевому взаимодействию; готовности к трудовой деятельности; и освоение знаний о языковой норме и её разновидностях; нормах речевого поведения в различных сферах общения; и овладение умениями опознавать, анализировать, классифицировать языковые факты, оценивать их с точки зрения нормативности; различать функциональные разновидности языка и моделировать речевое поведение в соответствии с задачами общения; и применение полученных знаний и умений в собственной речевой практике¹.

В соответствии с учебно-воспитательными целями и задачами осуществляется отбор содержания занятий по русскому языку и дидактических материалов для их проведения. Сегодня на таких занятиях представляется актуальным и закономерным обращение к вопросам юрислингвистики.

На кафедре русского языка и культуры речи РГУП (г. Москва) накоплен немалый опыт преподавания юрислингвистики, что нашло отражение в ряде научно-методических публикаций², а также в пособии И.Г. Брадецкой и У.Н. Фысина «Юридическая лингвистика»³. В рецензии кандидата юридических наук, доцента, старшего научного сотрудника отдела правоведения ИНИОН РАН И.А. Алешковой на данное учебное пособие

¹ Грибанская Е.Э. Русский язык и культура речи / Е.Э. Грибанская, Л.Н. Береснева. – М. : РГУП, 2018. – 140.

² См., например: Новикова Л.И. Методы и приемы работы с деструктивным явлением речевой агрессии на занятиях со студентами юридического вуза / Л.И. Новикова, Н.Ю. Соловьева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 5. – 2022. – С. 247–250; Брадецкая И.Г. Семантика языковых средств, выражающих агрессию в юридической сфере / И.Г. Брадецкая, Н.Ю. Соловьева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2019. – № 07. – С. 102–105.

³ Брадецкая И.Г. Юридическая лингвистика / И.Г. Брадецкая, У.Н. Фысина. – М. : РГУП, 2021. – 100 с.

подчеркивается, что «авторы не сводят юридическую лингвистику исключительно к лингвистической экспертизе, а отмечают тот факт, что данная дисциплина включает более широкий комплекс вопросов, которые возникают на стыке языка и права, а также затрагивают некоторые аспекты юридической психологии. В их числе авторы выделяют:

- 1) возникновение и становление юридической лингвистики, взаимосвязи и взаимозависимость естественного и юридического языка;
- 2) основные функции эвфемизмов;
- 3) проблемы использования обценной лексики;
- 4) основные критерии распознавания лингвистических признаков ксенофобии и интолерантности в тексте»¹.

Книга И.Г. Брадецкой и У.Н. Фысина «Юридическая лингвистика» подготовлена для программ бакалавриата, специалитета и магистратуры, но обращение к основам этой сравнительно молодой науки, сложившейся и развивающейся на стыке лингвистики и юриспруденции, думается, будет полезным и своевременным и на ФНО при изучении курса «Русский язык и культура речи».

Тему юрислингвистики здесь можно связать, например, с осмыслением особенностей научного стиля. К семинарскому занятию студенты получают задание проанализировать научную статью по определенному плану, который предусматривает следующие моменты:

- оценка авторитетности автора и издания;
- актуальность исследования;
- соответствие текста академическому письму;
- использование специальной терминологии, ее уместность;
- количество цитат, их смысловая точность;
- логичность изложения, целостность, структура текста;
- обзор использованной литературы;
- теоретическая и практическая ценность выбранной статьи для самого студента.

Обучающиеся не ограничены в выборе материала, но после пояснений преподавателя, они часто сами останавливаются на публикациях из журнала «Юрислингвистика». Использование материалов этого издания становится поводом для обращения к терминологии, истории становления данной научной дисциплины, ее проблематике.

Систематизации и обобщению знаний, полученных на семинарских занятиях, служит лекция, которая завершает курс «Русский язык и культура речи». В план лекции включены вопросы, позволяющие охарактеризовать юрислингвистику как науку, историю возникновения самого термина, роль в развитии данной научной дисциплины Н.Д. Голева – отечественного

¹ Алешкова И.А. Рецензия на учебное пособие «Юридическая лингвистика» для программ специалитета и магистратуры, подготовленное канд. пед. наук, доцентом кафедры русского языка и культуры речи РГУП, доцентом Брадецкой И.Г. и канд. филолог. наук, доцентом кафедры Русского языка и культуры речи РГУП Фысина У.Н. – М. : РГУП, 2021 // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 378.

лингвиста, профессора Кемеровского государственного университета. На лекции формулируются основные задачи юрислингвистики, проводится знакомство студентов с азами лингвистической экспертизы текста, ее разновидностями, рассматриваются деструктивные явления в области лексики, проблемы речевой агрессии, которая трактуется как «выражение отрицательных эмоций, негативных чувств, деструктивных намерений, резких и грубых оценок говорящим действительности или другого человека через лексические единицы в оскорбительной форме»¹. Особое внимание уделяется мерам и способам борьбы с подобными негативными явлениями.

Практическое применение знания, полученные на семинарских и лекционных занятиях и дополненные изучением других источников, нашли, например, в докладе студентки ФНО Анны Заикиной «Юрислингвистика и словари, отражающие лексику ограниченной сферы употребления (словари тюремного жаргона: pro et contra)» (научный руководитель – доцент кафедры русского языка и культуры речи РГУП О.О. Румянцева). Это сообщение прозвучало на студенческой конференции «Язык и право», ежегодно проводимой кафедрой русского языка и культуры речи РГУП, а затем было опубликовано в специальном выпуске «Студенческая наука», подготовленном кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета (МГПУ).

В своей работе А. Заикина делает вывод о том, что «для профессиональной деятельности юристов, психологов, социологов, педагогов, лингвистов создание словарей ограниченной сферы употребления, в том числе, отражающих тюремный жаргон, полезно, но лексика, зафиксированная в них, не должна выходить за пределы установленных границ. И здесь многое зависит от уровня культуры общества, важную роль в формировании которой играет школа, литература, средства массовой информации»².

Еще одним примером обращения к вопросам юрислингвистики может послужить доклад Валентины Блохиной (научный руководитель – старший преподаватель кафедры русского языка и культуры речи РГУП Н.Д. Плетенкина) «Правовые последствия речевой агрессии». Это исследование, выполненное в рамках студенческой конференции «Язык и право», затем было размещено на сайте «Алые паруса»³. В своей работе начинающий ученый отталкивается от книги Ю.В. Щербининой «Речевая защита. Учимся

¹ Новикова Л.И. Правильность русской речи: справочник по культуре речи. – М. : РГУП, 2016. – Ч. I. – С. 81.

² Заикина А.А. Научный рук.: Румянцева О.О. Юрислингвистика и словари, отражающие лексику ограниченной сферы употребления (словари тюремного жаргона: pro et contra) / А.А. Заикина // Научные труды. – 2021. – № 1(19). Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития (Спец. выпуск: Студенческая наука). Сборник научных трудов кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и управления МГПУ. – М.; Саратов : Саратовский источник, 2021. – С. 34.

³ Блохина В.А. Правовые последствия речевой агрессии / В.А. Блохина // Алые паруса. – URL : <https://nsportal.ru/ap/literaturnoe-tvorchestvo/library/2021/05/20/statya-pravovye-posleds-tviya-rechevoy-agressii?ysclid=157fs750x0608638199>

управлять агрессией», где отмечается, что сегодня все чаще «общение, коммуникация рассматриваются в свете деонтологии (греч. δέον, лат. deontos – «должное, надлежащее») – теории нравственности, науки о профессиональной этике, долге, моральной обязанности»¹. Молодой исследователь ссылается и на других авторов, среди которых отечественные и зарубежные специалисты, а также приводит ряд нормативных правовых актов, фиксирующих возможные последствия речевой агрессии на законодательном уровне.

Юрислингвистика – молодая, перспективная научная дисциплина, знание ее основ необходимо юристу в его профессиональной деятельности, поэтому изучение вопросов юрислингвистики целесообразно вести на всех этапах подготовки специалистов в области права, начиная с факультета непрерывного образования.

Третьякова Диана Викторовна
старший преподаватель кафедры
русский язык, литература и лингвокриминалистика,
ФГБОУ ВО
«Тольяттинский государственный университет»,
г. Краснодар

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ/СОСТОЯТЕЛЬНЫЕ НЕДОСТОВЕРНЫЕ ПОКАЗАНИЯ VS ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СУДЕБНОМ ПРИГОВОРЕ)

Текст приговора, как и любой юридический документный текст, тяготеет к строгости и однозначности изложения материала. Однако вопросы интерпретации выражений в текстах подобного типа являются далеко не редкими в судебной лингвистической экспертизе. Продемонстрируем это на примере одного из исследований.

Специалистам для анализа был дан фрагмент приговора и два вопроса для дачи заключения (с сохранением орфографии и пунктуации источника):

Вопрос 1. Что означает высказывание «показания свидетеля ... суд находит несостоятельными и недостоверными»?

Вопрос 2. Допускает ли данное высказывание толкование о том, что свидетель ... дал заведомо ложные показания?

Для выявления семантики слов в спорном фрагменте при исследовании по данному вопросу специалисты использовали метод семантического анализа слов, метод словарного анализа слов² и метод обобщения словарных

¹ Щербинина Ю.В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией». – М. : Неолит, 2017. – URL : <https://nastavnik-ryb.ru/i/shherbinina.pdf?ysclid=157fhcarf5806163874>

² Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : монография. – М. : Флинта, 2007. – С. 300–301.

значений для выявления унифицированного словарного описания языковой единицы, а также актуализации значения данной единицы в приведенном контексте¹. Анализ проводился на материале современных толковых словарей русского языка², рекомендованных в лингвоэкспертной практике, и «Национального корпуса русского языка»³. При необходимости также привлекаются к анализу академические и прочие словари русского языка⁴.

При ответе на первый вопрос для пояснения значения целого высказывания «показания свидетеля ... суд находит несостоятельными и недостоверными» требуется рассмотреть семантику слов **несостоятельный и недостоверный**. Следует отметить, что данные слова не являются терминами и должны быть понятны носителю языка.

Обобщение словарных дефиниций (по данным шести толковых словарей) позволяет выявить следующие значения языковой единицы:

несостоятельный, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно, прил.

1. Лишённый необходимого обоснования, необоснованный. *Несостоятельный план, проект. Несостоятельное предприятие. Несостоятельная теория. Несостоятельный довод.* <В вятском крае ходят слухи и толки, которые, однако, по проверке оказались вполне несостоятельными. Корол. Мултанск. Жертвопринош⁵.

2. Лишённый доказательности. *Несостоятельная теория*⁶.

3. Лишённый убедительности. *Несостоятельный довод. Несостоятельная теория*⁷.

4. Книжн. Неудовлетворительный. *Несостоятельная аргументация. Несостоятельная теория*⁸.

В контексте анализируемого фрагмента приговора возможна актуализация всех приведенных значений, т.е. «несостоятельный = необоснованный и/ или недоказательный и/ или неубедительный и/ или неудовлетворительный».

¹ Обобщение словарных значений и анализ спорного текста в лингвокриминалистической экспертизе / И.А. Стернин, А.В. Рудакова // Словарные дефиниции и семантический анализ. – Воронеж : «Истоки», 2017. – С. 28–29.

² (БТСРЯ) = Большой толковый словарь русского языка / Сост. и Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.; (ТСРЯОШ) = Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.; (СТСРЯ) = Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – URL : <http://slovo.ru>

³ (НКРЯ) = Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru>

⁴ (БАС) = Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. – М.; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1958. – Т. 7; (МАС) = Малый академический словарь / Ред.: А.П. Евгеньева, Т. 2; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Русский язык, 1986; (ТСРЯУ) = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : ТЕРРА, 1996. – URL : <https://slovar.cc>

⁵ БАС, стлб. 1188; МАС. – С. 481; БТСРЯ. – С. 641. СТСРЯ.

⁶ БАС, стлб. 1188; БТСРЯ. – С. 641. СТСРЯ.

⁷ МАС. – С. 481; ТСРЯОШ. – С. 413. СТСРЯ.

⁸ ТСРЯУ.

Обобщение словарных дефиниций (по данным трех толковых словарей) позволяет выявить следующие значения языковой единицы:

недостоверный прил.,

1. Неверный (в 1 знач.), вызывающий сомнения. *Недостоверные сведения*¹. Данное значение подтверждаются современными словоупотреблениями и данными «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ): «Кроме требований к блогерам с количеством читателей более 3 тыс. в день (не допускать распространения **недостоверной информации**, разглашения данных о частной жизни и проч.) сформулированы требования к «организаторам распространения информации в сети интернет». Под этим термином понимаются любые системы и программы, обеспечивающие обмен информацией между пользователями»².

2. Не соответствующий действительности: неточный, неподлинный. *Недостоверные факты, сведения. Недостоверные события*³. Данные значения подтверждаются современными словоупотреблениями и данными «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ): – *Ученые и врачи говорят, что на сегодня человек в состоянии прожить 115–120 лет. На практике этот срок сокращается из-за нескольких основных вредных факторов: плохая экология, неправильное питание, недосып, злоупотребление алкоголем и табаком, стрессы, несчастные случаи, а также неудовлетворительное состояние медицины: **недостоверная диагностика**, некачественное и несвоевременное лечение. В результате фактически люди живут в среднем около 80 лет».*

В контексте анализируемого фрагмента возможна актуализация всех приведенных значений, т.е. «недостоверный = неверный и/ или сомнительный и/ или не соответствующий действительности и/ или неточный».

Кроме того, для определения семантики всего выражения необходимо уточнить значение слова *находит* (суд *находит*): **находить** (от **найти** – «4. кого-что или с придаточным предложением. Прийти к заключению, признать, счесть, составив мнение о ком-чем-нибудь. Нашел нужным возразить. Врач нашел, что пациент здоров»⁴).

Таким образом, фраза «показания свидетеля ... суд *находит* несостоятельными и *недостоверными*» означает: «показания свидетеля ... суд признает несостоятельными (= необоснованными и/или недоказательными и/или неубедительными и/или неудовлетворительными) и *недостоверными* (= неверными и/или сомнительными и/или не соответствующими действительности и/или неточными)».

При ответе на второй вопрос: «Допускает ли данное высказывание толкование о том, что свидетель ... дал заведомо ложные показания?»

¹ ТСРЯОШ. – С. 177. СТСРЯ.

² (НКРЯ) = Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru>

³ БТСРЯ. – С. 279. СТСРЯ.

⁴ ТСРЯОШ. – С. 380. СТСРЯ.

специалисты дают разъяснения о том, что в компетенцию филолога-специалиста не входит толкование юридических норм. Однако фраза «*дать заведомо ложные показания*» с точки зрения документной лингвистики является процедурной лексикой с единственным обобщающим значением, суть которого в русском языке может быть описана также словами *лжесвидетельствовать*, *лжесвидетельство*, значение которых словари определяют следующим образом.

Обобщение словарных дефиниций элемента *лже...* позволяет выявить следующие значения данной языковой единицы:

Лже... Первая часть сложных слов со знач.:

1) мнимый, ложный. *Лжегуманизм, лженаука, лжеопыт, лжеприсяга, лжепроблема, лжепророк, лжеречи, лжесвидетельствовать, лжесоциализм, лжетеория, лжеучение, лжеучёный*¹.

2) лгущий, скрывающий истину, напр. *лжесвидетель, лжесвидетельство*².

В анализируемом контексте актуализируется второе значение элемента слова.

Обобщение словарных дефиниций слова *лжесвидетельство* позволяет выявить следующие значения данной языковой единицы:

Лжесвидетельство, – а; ср.

1. *Юрид.* Преступление, выражающееся в намеренной даче ложных показаний судебно-следственным органам³.

2. Ложные показания свидетеля⁴.

В анализируемом случае актуализируется первое значение слова, т.к. данное выражение употреблено в тексте юридического документа.

«**ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ**, -ствую, -ствуешь; нсв. *Юрид.* Давать ложные показания»⁵.

Фактически, «*дать заведомо ложные показания = лжесвидетельствовать* = намеренно сообщать суду лживые сведения, т.е. с точки зрения понимания значения всей фразы значимы два компонента – «*намеренность*» и «*сообщение лжи*».

«**НАМЕРЕННЫЙ**, -ая, -ое. Сделанный, совершённый с намерением, **сознательно**. *Н. поступок. Н-ое оскорбление. <Намеренно, нареч. Н. опоздать к обеду. Н. уехать из города. Н. не подходит к телефону>*⁶.

«**ЛОЖЬ**, лжи; ж. Неправда, намеренное искажение истины; обман»⁷.

Таким образом, высказывание «*показания свидетеля ... суд находит несостоятельными и недостоверными*» с лингвистической точки зрения

¹ БТСРЯ. – С. 495.

² ТСРЯОШ. – С. 325. СТСРЯ.

³ БТСРЯ. – С. 495. СТСРЯ.

⁴ СТСРЯ.

⁵ БТСРЯ. – С. 495. ТСРЯОШ. – С. 325.

⁶ БТСРЯ. – С. 588. ТСРЯОШ. – С. 386. СТСРЯ.

⁷ БТСРЯ. – С. 503. ТСРЯОШ. – С. 331. СТСРЯ.

при множественности его интерпретации не допускает толкования, что свидетель ... *лжесвидетельствует*, т.е. намеренно, сознательно сообщает суду лживые сведения, поскольку лингвистическое толкование слов *несостоятельный* и *недостоверный* не содержит сем «намеренно, сознательно» или «лживо».

Ястребова Оксана Ивановна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
СКФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК СФЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И ПРАВА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Зачастую новые научные направления появляются на стыке наук. Одним из таких направлений стала юридическая лингвистика¹. В связи с этим, юрлингвистика в равной степени принадлежит как к лингвистике, так и к юриспруденции.

Круг вопросов, определяемых правовым статусом юридической лингвистики и решаемых ею, можно определить следующим образом:

1. Разработка юридического языка, способного обеспечивать и специализированную правовую, и обыденную коммуникацию.
2. Определение рекомендаций по составлению нормативно-правовой базы.
3. Повышение уровня лингво-юридических знаний населения.
4. Изучение правового сознания с точки зрения лингвистики на повседневном уровне.
5. Теоретические и практические исследования и т.д.

Юридическая лингвистика рассматривает язык государства с точки зрения объекта языковой политики и язык права как специализированную терминологическую систему, обслуживающую юридическую сферу².

Язык находится во взаимовлиянии с государством в процессе его становления, развития и сохранения посредством правового регулирования. Язык – это власть, реализующаяся не столько через прямое насилие, сколько через субъективные предписания: семейные установки, систему образования, медиа, научно-бюрократические классификации, языковую политику,

¹ Байтеева М.В. Язык и право : монография. – Казань, 2013.

² Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права / Н.Д. Голев // Юрлингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999.

включая правовые нормы. Например, в ряде полиэтнических государств выражение признания статуса этнических и языковых групп сохранить свою культуру и свой язык отражено в соответствующих законах и конституциях.

Таким образом, язык – одна из основных составляющих, способствующих формированию государственности, один из важнейших этапов языковой политики, проводимой внутри страны. Язык выступает в своеобразным «посредником» между государством и правом: он задействован в области юридической техники, язык является инструментом написания и толкования нормативных правовых актов, считается важным показателем уровня правовой культуры¹.

Юридический текст является сложным актом языковой коммуникации, а его специфика заключается в том, что он является актом установления правовых норм, имеет определенные категориальные свойства и правила процесса речевой деятельности в определенной коммуникативной ситуации. Значение юридического текста высоко в общественном сознании.

Тем не менее статистика показывает, что специалисты области юрлингвистики в большинстве являются лингвистами, что, с одной стороны, формирует достойный уровень знания с лингвистического аспекта, но, с другой стороны, явно указывает на недостаточность знания права. Специальное образование, включающее в себя юридическую лингвистику, обеспечивается в курсе обучения филологов, однако число таких учебных заведений ограничено². Безусловно, при профессиональной подготовке юристов изучаются отдельные поднаправления этой науки, например, судебная риторика, культура речи, и другие элементы юридической техники, но не настолько системно, чтобы специалисты имели высокий уровень знаний в этой области.

К сожалению, на сегодняшний день показателен недостаточный уровень владения юридическим языком современными законодателями. Данную ситуацию можно исправить посредством обучения юридической технике на основе изучения теории написания юридических актов, юридической терминологии и других особенностей юридического языка. В идеале квалифицированный юрист должен не только овладеть определённым объёмом теоретических знаний, но и уметь применить их в практической деятельности.

Юридическому языку нельзя давать характеристику в соответствии с теми же особенностями как русскому, немецкому или любому другому. Юридический язык представляет собой функциональный аналог повседневного языка со своей сферой применения и уникальными языковыми нормами³.

¹ Байтеева М.В. Язык и право : монография. – Казань, 2013.

² Тарланов З. К. Юридическая лингвистика : учеб. пособие. – М. : Юрайт, 2018.

³ Губаева Т.В. Язык и право: искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М., 2014.

Хотя юридический язык и основан на естественном языке, используемом в качестве основы повседневного взаимодействия, он служит определённым целям. Это объясняется обширной юридической терминологии, элементы которой используются в различных областях права. Однако на практике специалисты, работающие в государственных органах, зачастую не являются профессионалами в области юриспруденции, да и граждане, обращающиеся с заявлениями в правоохранительные органы, тоже применяют юридический язык.

Несмотря на данную узкую специализированность, юридический язык широко распространён, так как задействован во всех областях жизни общества¹. Более того, отличительной особенностью юридического языка как специализированного является его многовековое применение, что объясняет его влияние на другие языки быденного общения с точки зрения развития в рамках того или иного исторического процесса. Необходимо отметить, что существуют случаи, когда язык быденного общения и юридический одной и той же территории идентичны. Так, например, языком правовой системы в ряду стран Африки является английский или французский, в то время как граждане в процессе своего общения используют один или несколько африканских языков.

Юридический язык, как и любой другой имеет свой жаргон. Стилую языка права свойственны и формализованные торжественные положения нормативно-правовых актов, и непринуждённые повседневные юридические тексты². Для юридического жаргона зачастую характерны сокращения. К примеру, юридическая документация зачастую содержит замену развёрнутых разъяснений номерами статей.

Кроме того, для юридического языка характерны определённые стилистические отклонения от общепринятых литературных норм. Обычно юридические тексты состоят из конструкций и оборотов официально-канцелярского стиля. Например, «I hereby certify...» или «We undersigned...»

Среди юридических терминов отдельное место занимают латинизмы, что вполне объяснимо историей развития англо-саксонского права. Общеизвестны такие латинизмы как, к примеру, «mens rea», «actus reus», «de facto», «de jure».

Другой особенностью юридического языка являются сокращения, которые используются исключительно в юридической документации, например, «FBI» (Federal Bureau of Investigations), «USJC» (United States Judicial Code).

Особую категорию терминов составляют выражения, возникшие из имён собственных. Например, «Miranda rights» – права, которыми обладает задержанный по подозрению в совершении преступления, «Lanham Act» – федеральный закон о торговых марках.

¹ Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста – М., 2013.

² Куликова Э.Г. «Правовая ответственность» и «правовая неопределенность» как категории современного публичного дискурса / Э.Г. Куликова // Философия права. – 2015.

Юридический язык как язык узкоспециализированный отличается стилевой многоплановостью¹. Вследствие этого для успешного перевода прежде всего необходимо определить его тип. Это может быть язык нормативно-правовой базы, судебного производства; язык допроса во время предварительного и процессуального расследования дела, устных выступлений прокурора и адвоката в судебном заседании.

Таким образом, юридический язык является неотъемлемой частью правовой сферы общественной жизни. Изучение его особенностей и правильное их использование может послужить эффективным инструментом государственного руководства обществом, основой мироощущения и мерой поведения каждой отдельно взятой личности.

Цифровизация образования является мощным трендом реформирования и модернизации глобальной образовательной среды. Цифровизация означает преобразование всех видов информации (текстов, звуков, изображений, видео и других данных из различных источников) в цифровой язык. Внедрение инновационных цифровых технологий требует изменить не только форму и средства обучения, но и его среду как таковую. Новые учебные программы должны предусматривать не только обязательную передачу фактов, но и ориентировать учащихся на достижение определенных целей, а именно на творчество, воображение и работу в команде, независимо от местонахождения членов команды. Наконец, следует отметить, что современное глобальное образование столкнулось с серьезными трансформациями, вызванными дальнейшей интеграцией новых цифровых технологий в академическую деятельность, и находится в активном поиске эффективных моделей внедрения, которые будут идти на компромисс с традициями и инновациями.

¹ Куликова Э.Г. «Правовая ответственность» и «правовая неопределенность» как категории современного публичного дискурса / Э.Г. Куликова // Философия права. – 2015.

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ,
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – И.И. Фоменко
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 17.11.2023

Бумага «Снегурочка»

Печ. л. 6,0

Усл. печ. л. 5,6

Уч.-изд. л. 5,03

Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать трафаретная

Изд. № 1340

Тираж 55 экз.

Заказ № 2491

ООО «Издательский Дом – Юг»

350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3

тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://id-yug.com>